

Академия родная

Автор:

Андрей Ломачинский

Академия родная

Андрей Анатольевич Ломачинский

Медицинский бестселлер (АСТ)

«Академия родная» – это целый взвод уморительных курсантских историй, смешное чтение как для военных, так и для тех, кто к погонам никакого отношения не имеет. Все истории реальны и написаны от первого лица одним из бывших курсантов. Воспоминания военного медика об учебе в ленинградской Военно-Медицинской Краснознаменной Академии читаются непринужденно, быстро, а главное, с невероятным удовольствием.

Андрей Ломачинский

Академия родная

© ООО «Издательство АСТ», 2019

А помните... или Курсанты 20 лет спустя

(Вместо предисловия)

– Ну что мужики, у всех налито? Давайте за встречу курса – двадцать лет не виделись... Ух, хорошо пошла! Сейчас закусим и поговорим обо всем. Всё

вспомним, сейчас всё можно, сейчас демократия. Не то что тогда...А помните, как замполит Факультета, полковник Вася Кононов, нас за приемники гонял? Проверял, чтоб коротких волн не было. Особенно злостно в андроповский период. И за «гражданку» гонял. Правда, знал, что в увольнение никто в форме не ходит, а поэтому постоянно причитал: «Уж если военнослужащий и оденется в гражданскую одежду, то только без западной символики!» А все на него забили, джинсы покупали исключительно фирменные, а приемники – с запрещенными диапазонами. Делает полковник шмон – под матрасом у одного курка находит американские джинсы с флажком на положенном месте. Замполит разозлился и всю нашу комнату к себе в кабинет вызвал. А у него там по тем временам система супер стояла – «Ленинград-006», первый стерео в стране. Мы глядь на приемник – а он как раз на 41-м метре на вражью волну настроен. Вася разошелся, мол, вот я никогда до такого лизоблюдства перед Западом не упаду, чтобы флаг ГЭПэ на советской заднице красовался (ГП – это «главный противник»; тогда так Америку называли). А кто-то взял и врубил его «Ленинград» на полную катушку. Как раз на заставку попало – «тили-тили-тили... Говорит Голос Америки из Ва-ашингтона...» Все заржали, а замполит пустился в отмазки, что это ему для контрпропаганды надо. А помните, как Амёба был ответственным за радиорубку? В той рубке отродясь никакого радио не было, а был выдавший виды магнитофон «Весна» и допотопный усилитель. Помню, построил нас замполит по какому-то торжественному поводу во дворе Факультета, а Амёбе наказал по сигналу включить гимн Советского Союза. А тот плёнки перепутал, да как врубил какой-то блатной шлягер: «Лучше веселиться, чем работать, лучше водку пить, чем воевать...»

А помните, как Миша-Циста на анатомии про матку рассказывал, а вместо матки желудок показывал на мужском трупе? Такой был хохот, когда препод пинцетом член поднял. И двойка с отработкой, конечно.

Ха, вот у нашей группы доцент Твардовская анатомию вела. Кикушка у нее кликуха была, помните? Опрашивает курсантов по теме «Женская половая система» и вызвала Валерку-Аспирина отвечать:

Доцент: – Покажите, где располагается матка?

Курсант (задумчиво): – Матка у нас располагается...

Доцент: (удивленно): – У ВАС?

Курсант: – Нет, я имел в виду у вас.

Доцент: – У меня?!

Курсант (испугавшись): – Нет, у всех женщин, кроме вас.

А вот ещё курсе на пятом наблюдали мы за тем, как при операции на открытом сердце его сначала ледяным физраствором заливают – холодовую остановку сердца делают. И вот стоит академик Колесов с поднятыми стерильными руками и смотрит, как операционная сестра Маша заливает сердце из керамического кувшина, а в другой руке держит электроотсос. Взгляд же её направлен на нас, молодых и почти на все готовых. Сердце уже остановилось, пора удалять жидкость из операционной раны, а Маша все ещё изучает пионеров. И тут академик изрёк: «Маша! У меня уже давно стоит. Почему не сосете?» Если бы пациент был не под наркозом, то смеялся бы и он.

А в лекционном зале, где биохимия, была доска из двух половинок, передвигающихся вверх-вниз. У доцента Хромосомы поломался проектор, где она писала свои формулы. Тогда Хромосома Стефановна всучила листок одному курсанту, Ваське-Эозину, и попросила его переписать формулы мелом на доску, пока она будет объяснять. Тот опускает доску вниз, чтобы писать было удобнее. Доцент: «Курсант, зачем вы так быстро спустили, я же ещё не кончила?» Вся аудитория полчаса ржала! Двести мужиков с одной бабы. А помните, как генералу Дыскину экзамен сдавали? Профессор занимался своими делами и хрен чего слушал. Начинал вслушиваться, только если запинаешься или молчишь. Кто не боялся, одно и то же по три-четыре раза ему повторял. Лишь бы бойко и уверенным голосом. В конце дед подводил к трупам, задавал элементарный вопрос и ставил пятёрку по анатомии там, где надо было ставить «неуд». А запинающиеся отличники попадали под такой прессинг, что и трояк за радость считали. Не было халявней препода, но и дурнее не было! А помните, как другой анатом, профессор Лев, прятал мелкие кости кисти или стопы под полу халата, а потом заставлял на ощупь определить, какая это косточка, да еще правая или левая! Садист был. Мне на экзамене достал какой-то позвонок, в руку не дает, а подкидывает. И сам тут же ловит. Пока в воздухе летит – смотри. И скажи ему, что это? Что позвонок шейный, я разглядел, а вот какой по номеру... Ляпнул

цифру наобум – угадал! Как в лото. Лев «пять» поставил. А профессор Шостаков с нормальной физиологии? Вот это был дурак! Куда там Дыскину. Этот вне зависимости от ответа первому курсанту на экзамене всегда ставил «отлично». Хоть вообще молчи. А потом объявлял, что даже он, профессор, на пятёрку физиологии не знает, а мы и подавно. У него система была двухбалльная – тройки и четверки. «Бананов» не ставил принципиально. Для двоечников халява, кто к нему шел, те физиологию вообще не учили, а отличники всеми правдами и неправдами в другие группы перебежали. А с кого экзамен начнётся, всегда по жребию разыгрывали. А помните, как на младших курсах в коридоре общежития в хоккей играли? Проигравшая команда должна была на закорках катать победителей. Мы проиграли, понасажали победителей на спину и бегаем туда-сюда по коридору. Тут дежурный по Академии полковник Новицкий появляется (самая строевая гнида в Штабе была). Стал тихонько у двери и на такое ребячество смотрит. Потом как заорет: «Дежурный, что такое происходит?!» А дежурным был Юрка-Мафия, он ему и рапортует: «Товарищ полковник, идет практическая отработка навыков эвакуации раненых с поля боя!» Дурак Новицкий на Мафию уставился и снова орет: «Это я вижу. Я спрашиваю, почему форму одежды нарушаете?!» А другой хоккей помните – тот, настольный? В который на задних рядах на лекциях играли? Вот картинка была – идет курс строем, а замыкающая четверка под мышками настольные хоккеи тащит! Если кто из начальства останавливал, то говорили, что несем шефские подарки в детдом. А помните, как ночи напролет в преферанс играли? Пулю на полтинник конов расписывали. А курили – точно хоть топоры вешай! Коля Миляев купит канарейку, посадит ее в клеточку, та и живет у него до первой игры. Как ночь посидим – так наутро Милина канарейка дохлая. Дымом травилась!

А помните, как наворовали в тире мелкокалиберных патронов? А потом сделали винтовку из оконного шпингалета, пружины от кровати и трубки от зонтика! Вот было дело – поехали в Парголово охотиться. Бух, пуля вжжжж со свистом! Да помню, как ты сдуру орал «лиса, лиса!» А как подошли – чья-то собака, да с ошейником. Дёру давали потом.

А помните, как полковник Качмазов тактику принимал: «О, тебя я на лекции видел – добавляю к оценке один балл, а тебя не видел – снимаю с оценки один балл». А Изя ему отмазку кидает, типа «товарищ полковник, я за колонной сидел». После этого все, кого он не видел, ему говорили, что за колонной сидели. Экзамен прошел, а этот дурак поплелся в аудиторию смотреть, как на трёх местах мог целый взвод разместиться...

А помните, как прапорщик Щекочихин поспорил с прапорщиком Климовичем, что за бутылку водки съест живого жука-вонючку? Типа на уроках выживания. Щекочихин съел, а Климович с ним переспорил на тоже самое, но уже в отношении себя. И тоже съел. В результате оба скушали по вонючему насекомому и остались при своих с той же бутылкой водки. Как в том анекдоте – за просто так говна нажрались! А как Сив отдал честь пирожком! Генерал-полковники Иванов и Комаров из Штаба выходят, а Сив на беду рядом идёт и Устав нарушает – на ходу пирожок жрёт. Со страха перед большим начальством влудил строевым шагом, да так и козырнул надкушенным пирожком! А Челентано, стоя «на тумбочке», отдавал старшине Абажу честь сжатым кулаком? А когда Абаж-Апулаз вытаращился на него, Серега по одному разжал пальцы и усыпал себе правый погон шелухой от семечек... Вот не помню, кто старшине кличку-то дал? Апулаз пару лет понять не мог, чего его такими красивыми кавказскими именами величают, пока не дошло прочитать наоборот. Или как Саня Хутиев вел на факультет бабу, а Пуля с Фторычем, увидев его с балкона, изобразили при входе на курс... как бы помягче выразиться... гомосексуальный половой акт. Взяли длинную колбасу, ну ту, розовую за два двадцать – прям как у коня выглядело. А как бедная девочка бежала вниз по лестнице, увидев ЭТО!

Пацаны, а помните, как майор Санька Иванов, будучи дежурным по Факультету, выпил с полковником Исаевым, а потом ссал с козырька над парадным входом? Днём, при всём честном народе, на проспекте Карла Маркса и в присутствии интуристов с гостиницы «Ленинград»! Картинка – обхохотались бы, но, блин, нормы профессиональной этики не позволяют поведать миру об этом в деталях. А кто помнит, как сержанту Коробке в его родном десантном взводе ночью на первом курсе ефрейторские лычки пришили? Он с ними чуть не целый день проходил, пока Абаж его не потоптал, как петух цыпленка. Или как голый Леня-Бегемот бегал по «взлетке» на лыжах – стадион-то наш был тоже в центре Ленинграда, и прожекторов вокруг... Или как те же десантники ночью катнули вдоль коридора младшекурсников штангу. Вот было хохоту, когда те в исподнем на грохот из своих комнат вылетали! Наверное, думали, землетрясение или ядерный удар. Помните, у нас в первом взводе туалет ближе всех был, так мы на кроватях ребят туда вытаскивали, чаще всех – храпящего Гриню-Лизола. А потом Лизол просыпался и три минуты не мог понять, где он... А как потолок на голову «роняли» с помощью простыни – по команде «подъём» натянутую простыню к морде – мужики спросонья аж орали от страха. А один раз Гошу Есаяна (Антракоза-то все, надеюсь, помнят?) пришили к матрасу по периметру теплого зимнего белья, а потом ещё и одеяло сверху пришили. Во разошлись! А когда его внезапно разбудили, то он так с матрасом и гонялся за шутниками. Гы-гы! А

кто помнит Бицепса, того майора, начальника физподготовки нашего взвода? Что, все помнят?! Да уж, какой перл он нам выдал: «Товарищи курсанты! У настоящего военврача путь в медицину лежит через гирю, коня, брусья и на перекладину!» А в нашем взводе начфиз был из медиков, но тоже будь здоров – гиревик Колосик, помянем его, благо не к ночи. Переходил в капитанах и так к этому привык, что когда ему наконец дали майора, по телефону представлялся: «Майор медицинской службы капитан Колосик!»

А я вот в Академию вернулся. Теперь сам начальник курса. Скажу, что особо-то ничего и не изменилось за двадцать лет, особенно в столовой. Как тогда, бачки по-прежнему пропадают, в основном у первокуров. Правда, чтобы хоть как-то сдать наряд, они моют за второй курс посуду точно так же, как это делал второй курс, когда был первым. И недостаток посуды пополняют за счёт поварих. Всегда есть какая-нибудь Светочка, которая достаёт посуду. А наряд уж с ней рассчитается. Может, и на гормональном уровне, а может, та деньгами уже берет. Там есть комнатка, доверху набитая бачками и прочим потерявшимся инвентарем. За небольшой калым и сам начальник столовой может пополнить недостаток... А мы, помню, когда были первокурами, как-то раз сожрали на варке все мясо, которое предназначалось дежурному по Академии и иной начальствующей компании, уж очень голодные были. Такой мог скандал быть! Но наряд вовремя сообразил, что к чему, и исправил ситуацию – сами своровали на мясообвалке, а затем нажарили в нижнем цеху. А ещё ведь многие, думаю, помнят повариху Мальвину, которая до сих пор достаёт бедных овощников. Ну, чтоб переспать за плохо почищенную картошку... Так ты что, начальник курса, уже отупел на новой должности? Как Исаев стал? Шучу, шучу... Помните старшего офицера факультета? У того кликуха была Штирлиц, но чаще Пяточная Кость. Только вспомни, приперся как-то раз он на построение. Увидел кого-то в грязных ботинках. Родил шедевр: «Вы посмотрите на свои ботинки! Они, наверно, грязнее, чем ноги!» Судя по всему, у легендарного Штирлица дела обстояли наоборот – ноги грязнее, чем ботинки. Помню Пяточную Кость на построении. Любил он это дело, а в строю, как обычно, где-то полкурса, остальные по своим делам. Долго-долго ходил взад-вперед, наконец изрек: «Будем строиться до тех пор, пока не добьемся стабильного прихода!» Потом долго обижался, почему все смеются. Или так: снова Пяточная Кость обходит строй, глядя вниз, то есть на любимые ботинки: «У вас НОГИ НЕ УСТАВНЫЕ, товарищ курсант! А у вас, товарищ курсант, почему ботинки блестят? Свеженачищенные ботинки НЕ ДОЛЖНЫ блестеть!» А помните, как он сообщил шестому курсу: «Товарищи курсанты, вы скоро станете офицерами – это же страшное дело!» – Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся....

– А ты, правда, помнишь? Нет, не в двух словах, а подробненько так? От начала до конца все наши забавные шесть курсантских лет при развитом социализме? Ты же в «Боевой Листок» и в курсовую стенгазету писал. Не ври – точно помню, писал! Вот и давай, вспоминай!

Кони

Ты помнишь, как всё начиналось?

Андрей Макаревич и «Машина Времени»

В самом начале восьмидесятых годов XX века государство Российское жило дружененько в составе громадной страны под названием великий могучий Советский Союз. Воевать особо никто не собирался, а потому службы в армии народ не страшился. Наоборот даже, если говорить об офицерской службе, то туда молодёжь стремилась – хорошая зарплата, карьерный рост и почет в обществе гарантированы. Всякие там афганистаны да анголы общей картины не портили. А какие самые военные профессии среди офицеров? Артиллерист, танкист, минёр-подрывник? Не-а! Нет в названии этих специальностей и намёка на слово «военный». Самых военных профессий две – военный дирижер и военный врач. Про военных дирижеров ничего не знаю, а вот на военврача довелось поучиться. Дело было в городе-герое Ленинграде в Военно-Медицинской Краснознаменной, орденов всяких и прочая и прочая Академии (тогда) имени Кирова. Вообще-то высшее медицинское образование, да еще с военным в довесок, – дело тяжкое и серьёзное. Но пока его получишь, столько разного будет! Самый первый прикол случился еще до того, как это самое образование началось. Так вот с этого момента и все оставшиеся шесть лет грызня гранита науки и смех от незатейливых житейских ситуаций шли у нас одним непрерывным сериалом под названием курсантская жизнь. Начнешь вспоминать, и приходит ностальгия – по исчезнувшей стране, но больше по молодости. Вроде было это всего-ничего тому назад, ну если не вчера, то на прошлой неделе. Помню краснеющую рябину и спеющие маленькие яблочки-дичку. Последние дни августа, холодное северное солнце греет плохо, руки охота засунуть в карманы. А туда их засовывать нельзя, их положено держать по швам, вытянувшись по команде «равнение на середину». И чтоб «подбородок на второй этаж». Рекомендация такая для красоты и строевого порядка на

плацу, где застыли несколько сотен будущих военврачей, пока семнадцатилетних мальчишек. На этой самой середине, куда все равняются, происходит таинство – с этого момента КМБ, или курс молодого бойца, заканчивается, начинается учеба. А это значит, что через несколько минут мы сядем в автобусы и поедем из Красного Села в Ленинград. Там примем присягу и станем настоящими военнослужащими. Ведь мы пока солдаты понарошку. Хоть форму и надели, но даже до звания рядовых не дослужились. Уже не абитуриенты, но еще и не курсанты. Просто зачисленные. И тут такой момент... В начищенных до зеркального блеска хромовых сапогах начальника лагерного сбора отражается мирное советское небо и такие же сапоги идущего рядом замполита. Под бравурные звуки оркестра парочка переходит на строевой шаг. Оба полковника маршируют чётко, вытягивая носок, словно рисуются своим мастерством перед нами, сопляками. Оркестр у Академии хороший, только вот флейту едва слышно. Кто-то подставил специальный микрофон под нос флейтиста, теперь нормально – музыка точно как на Красной Площади. Полковники подходят к микрофонам перед трибуной. На трибуне высокое начальство – сам генерал-полковник Иванов с кучей генералов пониже. Царь всея Академии со свитой. Полковники ему рапортуют чеканными голосами. Репродукторов вокруг плаца много повешено, вместо речи получают наложения непрерывного эха. Но громко. Однако последние фразы рапорта слышны превосходно:

– Докладывал начальник лагерного сбора полковник Белоконь!.. – конь-конь-конь... – Докладывал замполит лагерного сбора полковник Сивакобыла!.. – кобыла-кобыла-кобыла... – Ко-о-они... – они-они-они...

Это флейтист сказал. Ну а мы... мы громко пёрнули, потому что смеяться в строю нельзя.

Развод в день смерти Брежнева

В Советской Армии, как и в любой другой, существовали наряды. Наряды по роте, или наряды по курсу, как их называли в нашей Академии, служили обычным наказанием для нарушителей, поэтому их боялись. Сходишь в наряд – день на свалку, занятия пропустил, иди вечерами отработки сдавай, заочного образования в медицине не бывает. А еще их боялись из-за развода –

обязательной процедуры, которую ежедневно устраивало начальство для новых сutoчников. Этаким смотр, какой ты молодец, как у тебя блещат сапоги и бляха и вообще, насколько воин в боеготовности пребывает – точно ли знает порученное ему дело мытья казармы и туалетов, а также охраны своих товарищей. Точнее, охраной товарищей мало интересовались, наших командиров больше волновали нарушители порядка и неприкосновенность комнат с оружием.

Проучились мы всего пару месяцев, совсем еще зеленые первоклашки. Подошла моя очередь заступать в наряд. Перед разводом все сознательные курсанты Устав читают – про то, где положено находиться дневальному, что он делает и за что отвечает. А я был несознательный. Я анатомию читал, вот и поплатился за это. Пришли мы на развод, что проводился перед Штабом, построились, гавкнули хором «здравия желаю» дежурному по Академии и замерли. Дежурным был полковник Новицкий, гроза и буквоед. Ходит этот солдафон, в каждого третьего пальцем тычет, осматривает, как подшит, побрит, подмыт, как подстрижен и начищен, и, конечно, спрашивает знание Устава. Угораздило меня в эти третьи залететь. Вопрос стандартный – обязанности дневального. У меня, салабона, от волнения в голове закружилось, все мысли в ком сбились где-то в районе спинного мозга. Но делать нечего, я быстро залепетал слова из Устава. А знаете как трудно, когда не знал, да еще и забыл:

– Дневальный по курсу назначается из курсантов и выставляется из дверей недалеко от комнаты с тумбочками вблизи входного оружия... Эээ, виноват, товарищ полковник! Назначается из тумбочек, что у входных курсантов вблизи дверей с комнатами и оружием..

Лицо Новицкого, и без того длинное, вытянулось еще больше. Он позеленел от злости и рявкнул два слова:

– Снять!!! Доложить!!!

Споро подбежал майор, помощник дежурного или помдеж сокращенно, он меня снял и прилепил еще пять нарядов, чтоб тренировался. Оставшийся день я усиленно читал Устав, точнее, учил его наизусть, а потом пошел заступать в наряды, как патрон в патронник при стрельбе очередями. Поотстал я, пооброс хвостами и отработками, поназаваливал зачетов, и наконец остался мой последний наряд. И тут утром объявляют о смерти Брежнева. Ах, какой день – траурная классическая музыка по телевизору, флаги везде приспущены, народ

грустный, все о будущем гадают. Однако отцы-командиры расслабляться не дают – в такой день, сами понимаете, всякие там происки империалистические да провокации НАТО должны случиться. На происки и на НАТО мы плевали, а вот Брежнева, генсека партии-рулевого и главгера советского анекдота, нам по правде было жалко. И вот я снова на разводе. Всем курсам навтыкали по уши про усиление дисциплины, мы стоим и дрожим, мерзнем на морозце. Но дрожим не от погоды – слух прошел, что опять Новицкий дежурным заступает, специально к такому дню. Меня-то он точно помнит, поэтому и настроение мое обреченно-созерцательное. Кружатся белые мушки-снежинки в холодном свете ртутных прожекторов, 18-00, уже темно. В последние минуты делать нечего, мы разглядываем народ за забором Штаба. Народу там полно, идут плотным потоком по проспекту Лебедева, хоть день и траурный, но в центре Ленинграда час пик никто не отменял. И вот за ярко освещенными желтыми стеклами в дверях Штаба проплывает полковничья папаха. Все подтянулись. Распахиваются двери и... И по строю разносится гулкий вздох облегчения – дежурным по Академии заступает полковник медицинской службы доцент Тумка с кафедры биологии. Биолог Тумка был человек очень добрый и, за исключением полковничьей формы, абсолютно «невоенный». А помдеж – капитан-служака с первого факультета, где врачей на командиров переучивают. Курсанты, чувствуя тяжесть момента, подтянулись, подравнялись, наряд, как ни крути, особенный – сам начальник СССР дуба дал! Но тут развод превращается в цирк. Начало обычное – помдеж, выпучив глаза и тоже трясясь от волнения, кричит: – Наря-а-ад!!! К выходу дежурного по Академии, смирно!!! Все застыли. Обычно дежурный после этих слов должен вдарить лихим строевым шагом до своей «точки» – специально нарисованного на асфальте квадрата. Там он замирает, а потом тоже выкрикивает привычное «Здравствуйте, товарищи курсанты!». Тумка этого делать не стал. Натягивая на ходу портупею, он весьма вольной походкой подошел к стою. Встал на каком-то случайном месте и в своей протяжной сибирской манере говорит: – Добрый вечер. День-то какой... Да-а-а... Ну что, все готовы? Тогда идите...Потом поворачивается и плетется обратно к дверям Штаба. Помдеж, менясь в лице, бегом догоняет Тумку и начинает что-то быстро говорить ему на ухо. Наряд и караул стоят в нерешительности – развод-то, по сути, ещё и не начался. Полковник Тумка останавливается и молча слушает капитана. Наконец помдеж выговорился, и Тумка, поворачиваясь к нам, изрекает: – А-а-а, понятно! Подождите пока все, я имел в виду о-о-оставить! Все замирают с улыбками на лицах, а помдеж пулей улетает в Штаб. Через минуту возвращается с «пакетом» (это конверт с паролем для караула) в одной руке и пистолетом в другой. Тумка наконец застегнул портупею, а про пистолет, видимо, вообще забыл. Строй с интересом следит за разворачивающимся шоу. Тумка не обращая внимания на пистолет, берет конверт, вскрывает, надевает

очки и начинает читать, повернув бумагу к свету. Затем громко объявляет: – Наря-а-ад, слушай СЕКРЕТНОЕ СЛОВО!

За забором Штаба народ как по команде поворачивает головы в нашу сторону и с интересом прислушивается. Помдеж подпрыгивает словно ужаленный и опять что-то объясняет Тумке. По Уставу положено пароль сообщать только начальнику караула, и то шепотом на ухо. Похоже, эти прописные истины воинского поведения и пытается втолковать капитан своему начальнику. Наконец, они до начальника доходят, и Тумка, напуская серьезности и срываясь на фальцет, очень громко кричит:

– Карау-у-ул!!!

Прохожие за оградой Штаба останавливаются, как бы всматриваясь, кто и по какому случаю вызывает о помощи в такой скорбный день. Нашему строю их реакция хорошо видна, и курсанты уже откровенно хихикают. Тумка хмурится – такая публичная дискредитация совершенно выбивает его из колеи. Но полковник старается выглядеть грозным и пытается исправить сложившуюся дурацкую ситуацию:

– О-о-оставить караул!

Все ржут. Тумка жестом подзывает помдежа и что-то вполголоса уточняет. В морозном воздухе хорошо слышны слова обоих. Прослушав короткую лекцию, полковник бравоповторяет только что произнесенное изречение капитана: – Начальник караула, ко мне!

Подбегает начкар, и Тумка суёт ему конверт. Помдеж опять что-то бубнит Тумке. Слышно, как он пытается ему объяснить, что конверт по прочтении необходимо уничтожить путем сжигания, что пароль в письменном виде не хранится и на руки никому не выдается. Тумка вроде это понял и забирает конверт из рук начкара. По его лицу заметно, что развод ему уже порядком надоел. Скорчив недовольную мину, он поворачивается к капитану, нетерпеливо и громко спрашивая: – Всё-о-о?!

– Никак нет, товарищ полковник... – помдеж с надеждой смотрит на Тумку, вроде бы тот должен сам догадаться, что дальше делать.

- А когда всё?

Помдеж дает инструкции в полный голос, уже не стесняясь нас:

- После осмотра и опроса обязанностей, товарищ полковник!

Тумка расстроено:

- А-а-а, ну что ж, по-о-ошли посмо-о-отрим, по-о-оспрашиваем.

Полковник подходит к нескольким дневальным, те начинают бойко тараторить свои обязанности, а помдеж как дурак ходит за Тумкой с пистолетом дежурного в руке. Но вот формальный опрос обязанностей закончен, и офицеры возвращаются на своё место перед строем. Помдеж ловит момент и сует Тумке пистолет. Тумка рассеянно смотрит на оружие:

- Спасибо...

Потом с минуту крутит пистолет в руках, похоже, опять пребывая в полной нерешительности, - разглядывает кобуру и свою портупею, видимо, не совсем понимая, как его туда прицепить. Похоже, что с табельным оружием доцент биологии не знаком. Подумав, наверное, что с этим сложным делом он разберется после развода, полковник пытается засунуть пистолет в карман своей шинели. Пистолет в кобуре туда лезет с трудом. Вдруг Тумка одергивает руку, как будто испугался чего, и нервно спрашивает:

- А заряжено?

- Э-э-э, должно быть, товарищ полковник...Э-э-э, не знаю, товарищ полковник... Э-э-э, виноват, товарищ полковник, не проверял!

Тумка медленно достаёт пистолет из кобуры, пустая кобура падает вниз и болтается на ремешке, которым пристегнута к рукоятке. Несколько секунд он внимательно разглядывает оружие, видимо ищет предохранитель. Раздается слабый щелчок. Довольный Тумка невозмутимо передёргивает пистолет и...

СТРЕЛЯЕТ в асфальт перед собою! Ба-бах!!!

Наряд и народ за оградой подпрыгивают от неожиданности. Тумка, видя, что развод испорчен окончательно, с досадой машет рукой, зажав в ней тот же пистолет. Курсанты испуганно втягивают головы в плечи. Увидав такую реакцию строя, полковник хмыкает что-то себе под нос, поворачивается и молча уходит в штаб. Оставшийся в одиночестве помдеж облегченно вздыхает и дает наряду команду «строевым на выход».

Не знаю, сохранилась ли эта история в устном фольклоре Академии, но все шесть лет, пока я учился, об этом разводе знал каждый курсант

Цистицерк мозга

Забыли, что это такое? Да и я бы забыл, если бы не этот случай. Если просто – это глиста в башке. Заболевание серьезное, но очень редкое. Мало кто из врачей эту патологию наблюдал, да и те, кому удавалось, были в основном патологоанатомами.

В общем, свой последний наряд я отстоял без приключений. Отстоял и вновь окунулся в учебу. Изучали мы тогда базисные предметы и, конечно, ничего о врачебном деле еще не знали. Но как-то раз на кафедре медицинской биологии тот самый полковник Тумка, читая нам лекцию об очередном глисте, упомянул симптоматику цистицеркоза мозга. Упомянул вскользь, типа, вам, детки, невропатологию знать еще рано – как подрастете, на Нервных Болезнях вас всему основательно научат. Получается, что в то время настоящих медицинских знаний у нас были крупички. А через неделю мы впервые столкнулись с реальной медициной – у нас началась санитарная практика! Дело особых интеллектуальных усилий не требовало: помыть полы, судно вынести, поменять постель у тяжелых больных, а самая ответственная работа – больных на каталках катать да на носилках таскать.

Был у нас один курсант – Алексей Гапликов. И попало этому курсанту отрабатывать санитарную практику в клинике нейрохирургии. Полы на вверенной территории он помыл, какашки все из-под больных в вверенных палатах вынес, и делать ему больше вроде бы нечего. А в тот день на кафедре по какому-то неведомому поводу весь цвет военной нейрохирургии собрался –

начальник кафедры, доценты, ведущие специалисты крупных госпиталей. И как раз в это время поступил больной, и никто толком определить не может, что с ним. Вроде инсульт, но со странностями. Собрались вокруг него эти светила, всякие неврологические симптомы проверили, рентгенконтрастом все сосуды в голове нарисовали, пункцию сделали, кровь и спинномозговую жидкость на экспресс-анализ отправили – короче, диагностика на уровне, высший пилотаж.

Стоят они у каталки с этим тяжелым случаем и коллективно думу думают – что же это такое? Уже какой-то молодой адъютант с очередной глупостью вылез. Начальник кафедры как зашумит на него – наш уважаемый консилиум уже это обсуждал, нечего время тратить, с таким же успехом можно спросить у любого прохожего, хотя бы вот у этого зелёного курсанта! А Леха Гапликов на беду рядом оказался, по коридору, по стеночке, мимо хотел прокрасться. А на него пальцем... И тут Лешу какая-то муха укусила. Подходит он к этому больному и парочку симптомов, что биолог Тумка на лекции упомянул, проверяет. Генерал потрепал по-отечески Леху по плечу: смотрите, какой молодец – первый семестр ещё не отучился, а уже смотри-ка, решимость демонстрирует!

Леха же, не конфузясь под недоуменными взглядами корифеев-нейрохирургов, этак бодренько заявляет:

– Товарищ генерал-майор, разрешите доложить! У больного цистицерк мозга! Докладывал курсант первого курса Алексей Гапликов.

Высокие чины ухмыльнулись, похоже, они уже лет двадцать, как забыли слово «цистицерк». Генерал с иронией спрашивает:

– Курсант, в двух словах объясните нам, а что это?

А Леха с детской наивностью и отвечает:

– Ну, товарищ генерал, глиста такая... Только вот по-латыни я забыл...

Под общий смех стоящих рядом полковников генерал, слегка иронизируя, говорит:

– Ладно, курсант, свободны. Как вспомните, тогда нас и просветите!

Прошло дня четыре. Была у нас лекция по нормальной анатомии, читал генерал-майор Дыскин. Вдруг в середине лекции появляется в дверях профессор с кафедры патологоанатомии и Дыскина пальцем подзывает, вроде как на пару слов. Тот подошел на секунду, что-то краткое выслушал, а затем объявляет:

– Курсант Гапликов, пройдите в секционный зал. Там вам начальники кафедр Нейрохирургии и Патанатомии цистицерк мозга показать хотят.

Вот и оказался Лехин диагноз единственно верным. Вскрытие подтвердило. Генералы-профессора его правоту признали. Случайность? Пожалуй, да, но только в какой-то степени. Потому что Леха впоследствии стал отменным диагностом. Взять хотя бы тот факт, что через двадцать лет преподаватель и учёный Алексей Гапликов свои полковничьи погоны на ТУВе получал (кафедра терапии и усовершенствования врачей). И, кстати, был известен своим лояльным отношением к курсантам-первогодкам, отработывающим у него санитарную практику.

Интеллигентный разговор

Вообще-то нам с начальниками кафедр везло. Несмотря на свои лампасы и папахи, советская профессура вызывала уважения куда больше, чем страха. Но страха тоже хватало. Вспомнить хотя бы интеллигентнейшего начальника кафедры биофизики генерала Самойлова. За его белую кость и голубую кровь (голубую не в новом, а в стародворянском смысле, так как с ориентацией у Владимир Олегыча все было нормально), за предельную вежливость и снисходительное отношение к «маленьким», то есть к курсашкам-первоклашкам, мы его почитали. Хоть за глаза и звали Сэмом, но, как сейчас принято говорить, дядя был в авторитете. От Сэма никто никогда и ни при каких обстоятельствах грубого слова не слышал, а уж тем более матюка. Я тоже не слышал, но все же один интересный момент припоминается.

После окончания санитарной практики нервы ещё долго были натянуты как рояльные струны. В нашем отделении только один курок подходил к обстановке здраво – Шура Потехин. Был он простой сухумский парень и в простоте своей так освоил главный принцип бытия «здесь и сейчас», что ему позавидовали бы и Бодхисаттва, и дедушка Фрейд. Парень расслаблялся где мог, лишнего в

голову не брал и реактивными невротами не страдал.

Биофизику у нас вел капитан Соловьев. И выпало этому капитану не то приболеть, не то отлучиться. Да такое он неудачное время выбрал, что и подменить его некому. Пришлось аж самому профессору Самойлову к нам явиться, чтоб занятие не сорвалось. Сэм в лабораторию – у всех зашуганность моментально возрастает на порядок. У каждого нейрона в мозгах одни сплошные спайк-потенциалы, от страха ионные каналы во всех клеточных мембранах попробивало. Да уж, вспоминается биофизика. Веселое было времечко...

В тот день был у нас какой-то демонстрационный опыт по ЭМП – это так на первом курсе электромагнитное поле обзывали. Давным-давно старик Максвелл в перерывах между заплатами нацарапал четыре уравнения (точнее, два, но если долго вглядываться – то четыре). Так вот, добрую половину первого семестра вся кафедра эти математические выкрутасы в головы будущих врачей вложить пыталась. В основном безуспешно – ведь для врача всё, что выше дважды два, уже высшая математика. Поэтому, чтобы хоть как-то мудреную теорию этого невидимого ЭМП народу наглядно показать, наши медицинские физики проводили всякие опыты с электричеством.

В тот день в лаборатории стояла громадная электрокатушка с кучей проводов и клемм. Что конкретно демонстрировалось, я не помню, не то Холл-эффект, не то токи Фуко, не то повороты рамки с током по векторам. В общем, куча громоздкого электрического хлама на преподавательском столе, и все контакты оголены.

Заходит Сэм. Поздоровался, поспрашивал, пожурил, покори́л и давай новый материал объяснять. Дело доходит до опыта. Вруба́ет агрегат. На столе дым и искры, в лаборатории вонь и треск. Не фурычит. Сразу извиняется, говорит, зашел к нам по случаю, демонстрационную установку не проверял, так что с опытом будет задержка. Начинает в проводах копать. Вроде починил. Опять вруба́ет. Теперь совсем не контактирует – в катушке тока нет. Профессор сует руку в контакты, пытается клеммы-«крокодильчики» поправить. Его долба́ет 220В. Сэм злится, выдергивает вилку из розетки и начинает чинить уже обесточенную установку. Возится довольно долго. Он стоит к нам спиной и не поворачиваясь громко объявляет:

– Ну наконец! Сейчас я подам ток, и вы всё сразу увидите!

А Шура Потехин расслабился на задней парте и так вполголоса, как бы сам себя, спрашивает:

– А не ебанёт?

Профессор Самойлов:

– Да не должно-о-о-э-э-э... Ой, кто это сказал?!

«Перлы»

Вообще-то биофизику мы до головной боли учили, всё тщательно конспектировали. Я на лекциях любил рядышком с одним курсантом сидеть, с Колькой Миляевым, или просто Милей. Он очень быстро писать умел, и конспекты у него получались первый сорт – подробные, и, что редкость, написанные разборчивым почерком. Я частенько всё запечатлеть не успевал, а потом переписывал из Милиных тетрадок. И заметил я, что Коля на лекции иногда тетрадку переворачивает и с другой стороны что-то коротенькое пишет. Оказалось – «Академические Перлы» по каждой науке. Забавная коллекция получилась! Взять хотя бы ту же биофизику. На семинаре у доцента Соловьева:

– Как вы будете себя чувствовать, если у вас отнять 1 % электронов?

– Положительно.

Или вот профессор Самойлов. Он нам такие монологи выдавал:

– Это число вы уже знаете, это постоянная /e. Полезно заучить первые несколько знаков... (пишет 2, 7. Пауза. Под нарастающий курсантский смех дописывает 2, 718281828459045...) Ну а дальше никто не помнит. А запомнить то легко! 2, 7

знают все, 1828 – год рождения Толстого – его два раза; ну еще 45, год Победы над фашистской Германией, и это два раза – будет 90; затем снова 45...

– Доктора, я хочу вас математизировать! Это просто приятная функция, а это – функция, приятнейшая во всех отношениях. Поэтому решать такое уравнение будет сплошное удовольствие. Смотрите! Сейчас на нас будут вываливаться корни... Так-так, один интеграл конечен, а другой – бесконечен. Видите, какая чушь! Если знак альфа не очень велик... Чего-то я его слишком большим написал... А здесь интеграл убивает дифференциал. Понятно? Ну и галиматья! Вообще-то эти функции совершенно аналогичны, только не полностью. Доказательство заключается в том, что вот здесь мы стираем звездочку... Получается, что мы не совсем доказали, зато всю теорему. Я уже смотрю на часы, так что преобразовать ЭТО можете сами. Лекция закончена. Курс, встать!

Как и положено, всякая военная книжка должна иметь «Приложения». Наша не исключение – кому интересно, остальные «Академические Перлы» – в конце.

Пролёт жопы

Вот и закончился первый семестр, подошла сессия. Первые экзамены – ох и страшно! Кто же не помнит студенческие ритуалы перед каждым экзаменом? Особенно если учишься ответственно и рассматриваешь каждую оценку как ступень к чему-то большему, называемому «будущим», «карьерой», «успехом»... В советское время, когда финансовые возможности были у всех более-менее равными, такая «мелочь», как хороший диплом, значила очень много. Потому и страх перед сессией был на порядок выше.

Давайте чуть вспомним психологию: страх запускает процесс вытеснения, и травмирующий момент забывается. А если «травмирующий момент» есть предстоящий экзамен? Трояк – и прощай мечта о красном дипломе! Ну как такое «вытеснить»? Значит, надо этот страх ритуализировать. Можно сделать это в одиночку – кто-то глотает ноотропил с поливитаминами и сиднокарбом (от таблеток хочет умным стать на уровне нейрохимии), кто-то концентрацию

трентала с аспирином в крови всю сессию поддерживает (и такие уникамы были – мозговой кровоток улучшали), кто-то медный пятак в носок под левую пятку подкладывает, ну а кто-то просто за день до экзамена в Лавру или какой-другой собор идет полтинную свечу перед иконой Миколы Угодника-Чудотворца ставить – дает церкви 50 копеек, будучи стопроцентным атеистом. Да разве всё перечислишь? Но всё-таки любой коллективный ритуал освобождает от щемящей тревоги куда эффективней! Вот и родилась традиция.

Первое упоминание о «Жопе» относят еще ко временам Императорской Медико-Хирургической Академии 19-го века. Якобы перед экзаменом по нормальной анатомии их высокоблагородия завели привычку до полуночи оставаться в анатомическом театре (чёрт, во какое солидное было название для наших трупопотрошилок). Там стояли здоровые напольные часы с боем. Персонал Кафедры и профессура давно по домам спят, во всем морфологическом корпусе только пьяные сторожа и дрожащие перед экзаменом слушатели. И трупы, разумеется, но этим вроде как всё равно. Так вот, на двенадцатом ударе кафедральных часов все дворянско-аристократские сынки разом забывали своё благородное происхождение, приличное воспитание и культурные манеры и во всю глотку орал: «Жооо-пааа!!!». Этот коллективный вопль, от которого проезжающие мимо извозчики пускали лошадей в галоп и быстро крестились, якобы гарантировал успешный экзамен завтра. Точнее, уже сегодня, так как с «Жопы» этот трудный денёк и начинался. При этом, естественно, подразумевалось, что за великим понятием стоит сам предмет нормальной анатомии. Экзамен по этому предмету, сами понимаете, – жопа.

Что было с «Жопой» в Октябрьскую Революцию и довоенные годы, я не знаю и врать не буду. Тема открыта и всё ещё ждёт своего исследователя в области Истории Военной Медицины. Взялся бы кто, хотя бы на уровне курсантских тезисов для ежегодной конференции.

Доподлинно известно из абсолютно надежных источников, что «Жопа» расцвела в 1950-х, а создание Третьего Авиационного Факультета трансформировало просто «Жопу» в «Пролёт Жопы». Золотым периодом «Пролёта Жопы» безусловно являются 60-е годы 20-го века. В начале 80-х, когда я был рядовым курсантом, мне выпало послушать самых замечательнейших свидетельств очевидцев в генеральских лампасах и полковничьих погонах, когда старпёры предыдущих поколений съезжались в родную Академию на «четвертак после выпуска». В 70-х годах случилось одно событие, заметно ослабившее традицию. Было построено отдельное здание общежития Второго Факультета и произошло отселение

краснопогонников из «Пентагона» – здоровущей общаги, по форме напоминающей знаменитый американский военный департамент. «Пролёт Жопы» требовал массовости, и географическая раздробленность мероприятия пагубно сказалась на его масштабах. С этой поры отблески былой «Жопы» по-настоящему можно было наблюдать только во внутреннем дворе «Пентагона», где были задействованы силы Третьего и Четвертого факультетов – летчиков и моряков. У сухопутчиков зрелище было намного тусклее, хотя для неподготовленного тоже выглядело достаточно грандиозным.

В отличие от остальных краснопогонников, первый курс Второго Факультета всё ещё обитал в «Пентагоне». Вход туда был отдельный, но окна казармы выходили на внутренний двор, поэтому я мог своими глазами наблюдать настоящий ритуал «Пролёта Жопы» зимой на своей самой первой сессии. Правда первокашки в этом ритуале мало участвовали – это академическое таинство всецело принадлежало вторым курсам.

Зимняя сессия на втором курсе самая короткая, но весьма тяжёлая – так называемый «кирпич». «Кирпичом» именовалось крайне неблагоприятное сочетание двух наук – Нормальной Анатомии и Гистологии, науки о тканях. Если «кирпич» выпадал в виде двух занятий в один день, то можно было не сомневаться, что на одно из них придешь неподготовленным. Выучить одновременно «гисту» и анатомию было крайне трудно. А в сессию деваться некуда – «кирпич» сдавали все. И все через «Жопу», хотя некоторым всё равно на экзамене была жопа.

Так вот, перед первым экзаменом «кирпича» всякого слушателя Академии, вне зависимости от курса, тайно приглашали совершить ритуал. Даже если ты шестикурсник, давным-давно забывший анатомию, отказаться от поддержки вторых курсов, которым это удовольствие только грозило, считалось опасным. Такого негодяя-отказника наверняка должны были страшно покарать боги – ну хоть на «госах» засыпать или распределить на Новую Землю. Народ боялся, и поэтому в первой части ритуала участвовали все. Массовость делала мероприятие безопасным – ни один патруль, ни дежурный по Академии ничего не могли сделать. Ритуал считался настолько священным, что поучаствовать в нём на факультеты приезжали все женатики и ленинградцы, живущие дома.

В те давние советские времена обязательным пунктом массового агитпропа было наличие проволочного радио в любом жилом помещении. Казармы были исключением лишь в том смысле, что там было несколько радиоприёмников на

одно помещение. Советский день начинался и заканчивался на протяжении десятилетий на удивление одинаково для всех жителей СССР. Утром и в полночь радио начинало звенеть боем Кремлевских Курантов. Прозвенев с полминуты, без шести секунд шесть утра и без двенадцати секунд двенадцать ночи Куранты переходили на бой какого-то одного здорового колокола с точным секундным интервалом. Шестой удар утром и двенадцатый вечером означали начало и конец каждого дня. После последнего удара начинался Гимн Советского Союза, а после гимна – или мёртвая ночная тишина, или наоборот, утренняя радиопередача.

В назначенную полночь надо было содрать наклеенную бумагу с оконных щелей и широко открыть окно. Затем надо было врубить радио на всю громкость. Когда Кремлевские Куранты начинали свою мелодичную заставку надо было орать, что есть мочи через раскрытое окно в зимнюю ночь. Все зависело от того какой экзамен надо было сдавать. Например мы, первокурсники, орали «химия – жопа», а шестикурсники, «ОТМС – жопа» или «инфекционные болезни – жопа». ОТМС – это организация и тактика медицинской службы. Мы еще и слов таких не знали, но кричали вместе со всеми. Крик должен был исходить из души, хоть и через голосовые связки. Громкость крика должна была быть максимальной, а переход в истошный визг, срыв на фальцет или иные тембро-частотные вариации были крайне желательны.

Но вот после колокольной заставки Куранты начинают свой секундный бой. На каждый удар необходимо было скандировать одно лишь слово: «Жо-па!!!» Когда пара тысяч глоток в тихую морозную полночь заснувшего Ленинграда орут «Жопа», то зрелище и слышище – почище парада Победы. Бьёт последний, двенадцатый удар и раздаётся первый аккорд Советского Гимна. В этот момент все орут одну короткую фразу: «Жопа пролетела!», после чего надо вырубить свет и стать по стойке смирно. Наиболее суеверные накрывали голову подушкой, чтобы пролетающая в ночи страшная Жопа их не зацепила. Во внезапно наступившей тишине гордо звучит Гимн Советского Союза. По окончании гимна ритуал считался законченным, можно было включать свет и продолжать подготовку к экзаменам. На следующий день добрая четверть курсантов отвечала на экзаменах заметно охрипшими голосами.

Для второкурсников же ритуал имел продолжение, и эту часть «Пролёта Жопы» уже по-праву можно назвать настоящим праздником. Все остальные являлись только зрителями, хотя и наблюдать было небезопасно для здоровья – можно было запросто получить черепно-мозговую травму. После сдачи «кирпича»

вторые курсы дружно выходили подкупить спиртных напитков. Эта часть программы была не просто обыденным обмыванием последнего экзамена, а непременным условием второго акта «Пролетевшей Жопы». Сразу после всяких обязательных построений необходимо было начинать бухать. В этот особый день предпочтение отдавалось не водке и коньяку, а, как ни странно, сухим винам и пиву. Делалось это по одной простой причине – необходимо было к полуночи собрать как можно больше пустых бутылок для «вечернего звона».

Как только начинали бить куранты, второкурсники открывали окна и во всю глотку орал кто во что горазд что-нибудь курсантско-медицинское. Например, можно было декламировать такой стишок: «Как на Lamina cribrosa поселился Crista galle, перед ним Foramen caecum, сзади Os sphenoidale!», или «Lingua latina non Penis canina!», или «Musculus sternocleidomastoideus», «Ligamentum calcanooccipitalis, Nervus linguavaginalis»... Популярны были и лозунги типа «Анатомию сдали – можем влюбиться, «фарму» сдадим – сможем жениться!», «Три года – крематорий, три года – санаторий. Ура! Экватор крематория!» и тому подобные изречения. Но вот куранты начинают бой по секундам. На каждую секунду необходимо было в окно выбрасывать пустые бутылки. Бутылки падали и громко разбивались об асфальт под окнами. Этот замечательный эффект и назывался «вечерним звоном». И именно «вечерний звон» мог быть чреват травмой головы стороннего наблюдателя.

Но вот отгремели двенадцать салютных залпов. И тут начиналось самое страшное – «казнь черепа», «похороны Тонкова» и «обсыкание Синельникова». Каждому отделению надо было за курс анатомии «ощипать» три мацерированных в щёлке человеческих головы под черепА. После этого любому можно было взять себе одну «вареную» голову и сделать череп уже в личную собственность. А что, дело проще пареной репы – требуется только анатомический пинцет для щипки да кусок проволоки, чтобы мозги выскрести, плюс терпение, и страшная вареная человеческая голова с отстающими ошмётками превращается в красивый, блестящий, чистый череп. Так вот на курс (а иногда и на взвод) делался Жертвенный Череп. Лицо, схватившее «банан» по анатомии, или же наоборот, умник, схвативший «автомат», назначались в верховные жрецы. Задачей жреца было шмякнуть осточертевший череп об асфальт перед входом на Факультет, ну а остальным оставалось только дробить в крошку осколки коваными каблуками. Такая вот ритуальная агрессия по отношению к сидящему в печёнках объекту.

«Похороны Тонкова» состояли в том, что изыскивался старый учебник по анатомии под редакцией Тонкова. На каждом курсе находилось с десяток таких учебников – из-за ветхости их отказывались принимать назад в библиотеку, и это было западло, ещё и штраф требовали. Так вот, эту старую макулатуру надо было всем вместе закопать в сугробах внутреннего двора. Профессор Тонков был из академии, с кафедры нормальной анатомии, поэтому на его похоронах вольности и оскорбления не допускались.

А с трёхтомным «Атласом Человеческого Тела» под редакцией Синельникова дело обстояло сложнее. Не только потому, что профессор Синельников не «академик», а значит, над ним позволительно глумиться, а ещё и потому что «синельниковы» были сравнительно новые. Если не удавалось найти экземпляры, пригодные для жертвоприношения, то тогда перед экзекуцией эти здоровенные книги заворачивались в полиэтиленовые мешки, а после казни извлекались оттуда и неслись в библиотеку. Хотя настоящих ценителей «Пролетевшей Жопы» такой вариант не устраивал – в идеале «Синельников» должен быть насквозь пропитан мочёй и превратиться в жёлтую глыбу льда, которую утром наряд брезгливо выкинет на помойку. Но судя по тому, что многие атласы имели характерный запах, многократно-челночный вариант практиковался весьма часто.

Итак, отгремел последний залп «Вечернего Звона». Толпа второкурсников с победным кличем: «Жопа пролетела!!!» вываливается из дверей Факультета. Клич уже означает не летящую над головой страшную жопу, а жопу уже не опасную – благополучно пролетевшую. Одежда каждого курсанта символична и строго регламентирована. Молодые люди одеты в сапоги или прогары, флотские полуботинки (портянки и носки допускаются) и белую простыню, символизирующую саван. Больше ничего надевать нельзя. Анатомия – это наука о красоте нагого тела. Вот нагота участников и символизирует надоевшие до рвоты трупы. Мороз крепок, поэтому действия голых курсантов весьма быстры. Мгновенно крошится череп с победным криком «жопа пролетела!», затем с тем же криком погребаются «тонковы», а «синельниковы» пока просто бросаются на снег. Затем толпа, скандируя вечное «жопа пролетела!», оббегает по периметру внутренний двор «Пентагона» от одного до трёх раз (зависит от стойкости каждого участника и крепости мороза в эту ночь). Побегаешь голый на морозе, да ещё после пива и вина, – очень хочется писать (гиперволлюмарная и холодовая стимуляция диуреза). Тут все и мочатся на надоевшего «Синельникова». Деяние совершается под величественные звуки советского гимна, льющегося из раскрытых окон. Всё, ритуал окончен. Все забегают на курс догуливать или спать – завтра начинается зимний отпуск. «Кирпич» сдан, жопа пролетела,

можно ехать домой.

Сохранятся ли такие традиции в новой, капиталистической России? Но как бы там ни было: ЖО-ПА! ЖО-ПА! ЖО-ПА! ЖОПА ПРОЛЕТЕЛА!!!

Ленин с антиматерией

Прямо напротив нашего Штаба в добрые советские времена находился винно-водочный магазин, всего-то улицу перейти – ровно сорок три шага, если от ворот до дверей. Так как эти два заведения являли собой (философски) диалектические противоположности, то этот магазин получил у нас название «Антимир». Ну а водку, которую там продавали, само собой окрестили «антиматерией». Всем хорош был этот магазин, за исключением одного факта – очередь в ликёро-водочном отделе всегда наполовину состояла из офицеров медицинской службы.

Первый семестр закончился, мигом пролетел и первый зимний отпуск. Вот уж и второй семестр на дворе. Предметов разных добавилось, мы уже некоторые медицинские слова понимать научились. Доучились мы до середины семестра. А 22-го апреля, как тогда было всем известно (как сейчас – не знаю) день рождения дедушки Ленина. Академия в этот день не училась – проводилась конференция ВНОС (было тогда такое полезное общество – Военно-Научное Общество Слушателей, а может и до сих пор существует, пардон, опять не знаю). И был тогда такой весёлый предмет с двумя экзаменами и итоговой оценкой – история партии назывался. Так вот, к этому самому 22-му апреля, кафедра истории партии устраивала нам, курсантам-первоклашкам, праздник, и был нам этот праздник что лошадям свадьба – сами все в цветах, а морды в мыле! А главным на этой кафедре был специалист политико-воспитательной работы полковник Гудков – самый страшный из общественников-философов, да ещё и солдафон порядочный.

Назначил нам этот Гудков на 21-е апреля праздничный супер-семинар в Ленинской Комнате нашего общежития. Понятно, Ленинскую Комнату убрали как следует – вся в кумаче, в лозунгах, а между ними боевые листки и стенгазеты наш патриотизм показывают. Как во всякой порядочной Ленинской

Комнате, гипсовый бюст Вождя на красной тумбе. Мы купили цветов, Вождя украсили, лысину ему от пыли протёрли – порядок! А чтоб кто ненароком натюрморт не испортил, Вождя отнесли в конец помещения и поставили за партами – как в Президиуме Верховного Совета СССР, если кто помнит.

Сидим мы с Колей вечером 20-го апреля в курилке и рассуждаем, как бы лучше халявный день провести. Конспекты Маркса-Энгельса с Лениным «законспектированы» за час и на год вперёд – куплены за червонец у второго курса, подписи преподавателей сведены, обложки и титульные листы переклеены. К семинару готовиться – что воду в решете носить: что Гудкову стукнет, то и поставит, он больше правильность мысли любил и ещё чтоб отвечали убеждённо, так, чтоб кулаком себя в грудь. И решили мы, что самое время водки выпить – уроков-то делать не надо. Водку на первом курсе мы пили без комфорта, в туалете после отбоя, когда сержанты и старшина уже спят, ну и если дневальные надёжные насчет «стука». В питейное время дневалил Сив, курсант Сивохин, парень свой, проверенный, к тому же потенциальный участник мероприятия. Один риск оставался – к нему «на тумбочку» со стаканом бегать. А службу мы на первом курсе несли ответственно – хоть даже выпьем, но пост не оставим!

Послали мы Колю Миляева в «Антимир» за антиматерией. Он мужик ушлый, выбрал момент, когда очередь цивильная была – ну, в смысле из гражданских людей. Подходит к прилавку, платит, отоваривается, начинает засовывать антиматерию в портфель. И тут, как назло, подваливает какой-то кэп с Первого Факультета. Коля, ясное дело, ноги в руки и бегом на выход шагом марш. Но чинно так, всё как надо по уставу, даже честь капитану отдать успел. А капитан тот с гнильцой оказался. О курсанте же вся информация на форме – сам зелёный, погон красный, змейки в петлице, на рукаве жёлтая нашивка – гордый «минус», первый курс. Посмотрела та гнида в справочник телефонов Академии, звонит начальнику курса и докладывает ситуацию. Слава Богу, хоть сам на опознание перед строем не припёрся, что частенько случалось в то тяжёлое время.

Шеф наш, майор Коклюшин, как Зевс на Олимпе, гром и молнии мечет, велит старшине курса водку найти, изъять, виновных наказать. Весь вечер Сашка-Абж, он же Апулаз, старшина в смысле, шмон делал, всё перерыл, много чего интересного у курков нашёл, одной «гражданки» – хоть магазин открывай, а водки нету. Он уже Шерлока Холмса переплюнул – и в толчки лазил, и плафоны вскрывал, и огнетушители тряс, и чердак осмотрел, и кусты перед входом на

предмет свежевскопанной земли, ну нигде нет! Нет водки. Сашка злой, приказ не выполнен – ни водки, ни виновников.

Утром следующего дня после завтрака возвращается к девяти ноль-ноль наш многострадальный первый десантный взвод на курс. Входят все в Ленинскую Комнату аки агнцы на заклание. Рассаживаемся, у всех уже вместо крови чистый адреналин в венах – злого Деда Гудка ждём. А этот политический гуру что-то задерживается, что вообще для Гудка нетипично было, уж очень он военный полковник был. Наконец появляется. Запыхавшийся и красный, вроде как кросс на три кэмэ сдавал. И ещё здоровенный портфель тащит. Мы думаем: наверное, полное собрание сочинений В.И. Ленина с собой принёс, все пятьдесят три тома, и Маркса ещё четыре тома сверху.

Гудок на убранство нашей славной Ленинской Комнаты посмотрел – и в ярость. Глаза как у быка на корриде выпучил и орёт: «Товаррищщи курррсанты! Это что за безобразие! Это кто до такого додумался! Как вы смели! Завтра такой великий день! Для всего прогрессивного человечества! День Рождения гения! Весь мир как один! А вы! Никакой политической сознательности! Кто Ленина сзади поставил?!»

Командир нашего взвода, прапорщик Чудык Василь Петрович, или попросту Вася Чудак, чуть не обосрался. Это же надо так оплошать – семинар не начался, а Гудка уже завели. Чудак, заикаясь, пытается ситуёвину поправить: «Сс-сейчас ввв-ппперёд переместим. Чтобы все видели! Задний ряд встать! Быстро бюст на перёд!» Вообще Васька Чудак неплохой мужик был, простой как валенок, но за нашего брата всегда заступался, что средь кусков редко случалось. Да и мы его старались не подводить, по возможности, конечно.

Ребятки тумбу под Лениным со всех сторон облепили, нежно подняли и понесли, да бережно так, как неразорвавшуюся бомбу. Не хотят, чтоб цветы посыпались, и чтоб Гудок ещё сильнее разошёлся. А Гудок портфель открыл, достал оттуда учебник по своей долбаной партийной истории, журнал, ручку, а сам портфель не закрыл, а просто прикрыл и возле своего стола поставил. Потом из-за стола вышел и между рядами ходит, патриотические лозунги выкрикивает. Ребята Ленина по другому ряду несут, не там где полковник Гудков, а там, где его портфель. Уже из поля зрения Гудка вышли, как один курсант, что задом наперёд шёл, о его портфель спотыкается. Ленин опасно кренится, и его тут же подхватывает куча рук, но тумбу то они бросили. И тут с тумбы вылетает бутылка водки и хрясь на пол вдребезги. Всем, кроме Гудка, видно, что она

просто стояла на тумбе под пустым изнутри гипсовым бюстом.

Гудок замолкает на полуслове, вздрагивает и почему-то втягивает голову в плечи. Будто это он уронил. Несколько секунд тишины, как на минуте молчания. По всей Ленинской Комнате несёт водярой. Затем Гудок медленно поворачивается, а все вытягиваются со своих мест, чтобы лучше рассмотреть место происшествия. На полу в луже лежит раскрытый портфель полковника Гудкова, рядом осколки стекла и ТРИ бутылки водки. Из портфеля выкатились. Но, похоже, не все. Похоже, в портфеле ещё как минимум столько же осталось. Портфель теперь сдутый, и формы проступают чётче. Видно, Гудок их своей идеологической макулатурой перекладывал, чтоб не звенели. И ещё видно, что вояки общественных наук отмечают день рождения Вождя, как свой собственный. И наконец совсем видно, что Гудков думает, что это его водку разбили. И видно, что Гудку такой неудобняк, что его, такого правильного, на разлагающем примере столько рыл засветило.

Гудок тихо так:

– Убрать надо бы...

– Есть убрать, товарищ полковник!

Семинар прошёл как по маслу. Никогда Гудок таким смирным не был. Вася Чудык, правда, потом нам морали читал. Всем вместе для профилактики, но конкретных виновных даже искать не пытался. Хороший был прапор.

Курага

Все знают, что это такое – сушёные абрикосы. Калия много, можно больным-сердечникам давать. Да и просто так штука вкусная.

Пролетели последние апрельские дни, вот и май за окном. Возле морфологического корпуса какие-то кусты жёлтым цветут. Природа проснулась и зовёт на подвиги. А нам надо учить анатомию. На подвиги ещё не хочется, а «спланхи» (спланхнологию, науку о человеческих внутренностях) учить уже не

хочется, зато постоянно хочется жрать. Не то чтобы нас мало кормили, но как-то выходило, что через час после еды наши изнеженные организмы требовали пищи. Желательно не из курсантской столовой. Раем казался килограмм еды. Любой еды со стороны.

Перерыв на занятии по анатомии. Потрошили подсохших заформалиненных трупаков. Кожа на них уже золотисто-коричневого цвета. Запах не беспокоит, к тому же воняет в основном формалин. Страх перед мертвечиной и брезгливость прошли полгода назад. Перчатки одни на отделение, да и на фиг они нужны – в них уже трупного жира полно, что снаружи, что внутри. Старший лейтенант медицинской службы, молоденький наш препода, Гайворонский, вышел первым и в коридоре не топчется – значит, можно руки не мыть, не корчить из себя утончённых интеллигентов.

Было у нас во взводе два кадета-суворовца – Кривенков и Толкачёв. Разные суворовские училища они закончили, но кадетская юность их крепко связывала. Так вот с того момента стал Крив врагом Толкачёву:

У окна стоит Толкачёв и ест курагу. Нет, не ест – жрёт! По несколько штук в рот пихает. И глотает как анаконда. Боится, что сейчас просить начнём. Да видим мы, с какой скоростью ты абрикоски аннигилируешь! Не будем просить. Крив его друг, ему не запахло. Он подходит и становится плечом к плечу с Толкачёвым. Тот усиливает темп. Уже поглощает питательное вещество, как чёрная дыра в центре преморбиальной галактики. В руках осталось всего две кураги. «Угости!» – просит Крив, а Толкачёв ему: «Закрой глаза, открой рот». Тот делает, как сказано. Толкачёв суёт ему в рот курагу. Крив со вкусом сжимает челюсти. Потом открывает глаза. Глаза округляются, зрачки расширяются. Выплёвывает курагу на ладонь. На ладони лежит мумифицированное трупное ухо. Все ржут. Крив бежит к крану полоскать рот.

Через пару лет прислали мне из дому урюк. Это тоже сушёный абрикос, только мелкий и с косточкой. Сели мы перекусить перед отбоем. Случайно в комнату забегают Крив. «Крив, будешь урюк?» К горлу Крива подкатывается комок. Видно, что парень борется с рвотным рефлексом. Рефлекс побеждает. Крив выскакивает в коридор и там блюёт фонтаном. Мы мудро заключаем: «Ага, ситуационная фиксация!»

Жевательная или мимическая?

Вот и маю конец. Подходит зачетная неделя – страшная пора перед летней сессией. Зачеты по анатомии своему преподавателю редко кто сдавал, такое на кафедре считали дурным тоном. Нашему отделению выпадает сдавать зачёт профессору Льву. Лев – это не кличка, это настоящая полковничья фамилия, которую тот вполне оправдывал, хотя и был известный шутник.

Мышцы лица делятся на жевательные (ими, понятно, жуют) и мимические (ими, понятно, мимику выражают, рожи строят). Что такое большая ягодичная мышца (*Musculus gluteus maximus*) тоже знает каждый. В интеллигентной среде это называется ягодичей, а в просторечье просто жопой. Анатомически эти образования и понятия вроде никак не связаны. Так вот, частенько профессор Лев в подходящих ситуациях совершенно серьёзно задавал опрашиваемому курсанту такой глупый вопрос: «Товарищ курсант! Скажите, милейший, *Musculus gluteus maximus* к какой группе мышц относится? К жевательным или мимическим?»

99 % курсантов этот прикол знали и с улыбкой объясняли, что такого быть не может. Но были уникамы. Например, у «пеликанов» (курс годом старше моего) один грамотей сказал, что это жевательная мышца. Тогда профессор Лев достал из портфеля шоколадку и предложил её незадачливому анатому со словами: «Ставлю пять, если Вы мне продемонстрируете участие большой ягодичной мышцы в акте жевания».

На нашем же курсе курсант Аслан Бахтадзе заявил, что это мимическая мышца. Профессора Льва такой ответ совсем не смутил: «Бахтадзе, сразу ставлю вам пятёрку, как только вы мне этой мышцей улыбнётесь. Даю неделю на тренировку вашей нижней театральной мимики. Через семь дней в это же время в этот же класс заходите с большой ягодичной улыбкой. А если не получится – тогда попытаетесь пересдать зачёт».

Длина двенадцатиперстной кишки

Зачёт по мышцам сдан, остались всё те же «спланхи». Любому нормальному курсанту, более-менее прилежно изучавшему анатомию, такой вопрос кажется сущей халявой – чего тут думать, двенадцать перст по-старинному, ну а один перст около двух сантиметров, или что-то около (прижмите палец к линейке). Значит, вопрос элементарный – высчитать проблем нет. Но всегда найдутся уникамы, которые, назубок зная таламо-лимбическую и стрио-паллидарную системы мозга или что-нибудь еще более мудреное, в таких простых вещах теряются.

Это был козырный вопрос профессора Льва на зачётах, не говоря уж об экзамене. Казалось, об этом знали все поколения курков с самого первого занятия. Парадокс, но несколько раз в году в ловушку попадало от одного до пяти незадачливых «счастливицев». На моих глазах это случилось с нашим прапорщиком Васькой-Чудаком. Учился он весьма прилично, но как говорится, и на старуху бывает проруха.

Идёт зачет по кишкам и прочей требухе. Вась Петрович уверенно отвечает на все вопросы. Всем присутствующим ясно, что зачёт успешно сдан. Бодро декламируются последние факты о строении ТОНКОГО кишечника (его длина шесть-восемь метров). Профессор Лев делает крайне участливую физиономию и как бы не расслышав переспрашивает: «Товарищ Чудык, так какова, по-Вашему, длина ДВЕНАДЦАТИПЕРСТНОЙ кишки?»

Ясно, что мысли нашего взводного летают совсем не в той области, и он уверенно повторяет только что сказанное: «Шесть-восемь метров, товарищ профессор!»

Лев, как будто ничего не произошло: «Подойдите к трупу».

Довольный Васька подходит.

Лев: «Так, теперь от трупа строевым шагом отмерьте мне приблизительно эту длину, ну хотя бы по направлению к двери.»

Прапор, всё ещё ничего не подозревая, начинает грюкать восемь строевых шагов. Подходит почти вплотную к двери. Лев, улыбаясь, смотрит на него и с лёгкой иронией дает команду: «Один шаг вперёд, дверь открыть!»

Васька выполняет и оказывается в коридоре на пороге анатомички спиной к профессору. Профессор Лев берет за уголок его зачетку и, как ниндзя, швыряет ее Чудыку между лопаток. Оторопевший Васька растерянно оборачивается, и Лев ему сообщает: «Зачёт Вы с позором провалили. Длина двенадцатиперстной кишки равна ширине двенадцати пальцев, то есть сантиметров тридцать в максимуме. Очень простой был вопрос! Вам придётся пересдавать».

Побегайте!

Уж если зашел разговор о прапорщиках и швырянии зачеток, то эту историю не обойти. После «требухи» у нас зачёт по «гисте» был, это мы гистологию так называли. Наука такая, где разные ткани да клеточки под мелкоскопом смотреть надо. Наверное, мадам Хилову, доцента-гистолога, наследную дочку великого профессора Хилова, «изобретателя» уникальной схемы гистогенеза (может, и «великого» надо было взять в кавычки, уж очень нестандартным его учение было) помнить будут многие поколения курсантов. И есть за что. Ну то, что она тётка была очень умная и «гисту» знала в совершенстве, – факт бесспорный. Но за одно это народной любви не заслужишь. А вот то, что личностью она была незаурядной, хотя и с большой долей возрастающей год от года стервозности, здорово ее выделяло. Хилова в пантеоне лиц Академии стояла особняком десятилетиями. Я не профессиональный биограф-хиловед, но ее исключительность могу подтвердить хотя бы этим эпизодом.

С нами учился еще один прапорщик, Тумаев, или Тума по-нашему. Был он весьма неглупым, что для прапоров в общем-то не характерно. И в довершение ко всему Тума был отличный спортсмен. Мастер спорта по лыжам и биатлону, он постоянно выступал на соревнованиях. Да и остальное, с его-то мышцами, было на уровне где-то между первым разрядом и мастером спорта. Мужик был очень высокий, сложения правильного, атлетического, размер ноги этак сорок шесть или более. Короче молодежавые преподаватели женского пола на Туму посматривали с интересом, что последнему порой выходило плюсом в оценках. Но не у Хиловой – Хилова была тот ещё синий чулок.

Приходит Тума на зачет по гистологии. Один вопрос ответил более-менее, на втором поплыл. Доцент решила «помочь» – подкинула с полдюжину дополнительных вопросов. Результат тот же: пятьдесят на пятьдесят. Хилова сквозь очки на Туму уставилась, как Наполеон в трубу под Ватерлоо, и с издевочкой спрашивает: «Красавец прапорщик, уважаемый Тумаев! Объясните мне, как такое возможно, что вы довольно прилично знаете первую половину пройденного материала и совершенно не владеете тем, что изучалось после?»

Тума, как все крупногабаритные силачи, был мужиком простым и до наивности честным. Вот он своим громогласным басом ей и отвечает: «Товарищ доцент! Сначала я учил как все, а потом началась полоса соревнований – то бег, то кросс, то эстафета, то лёгкая атлетика, а как снег выпал, то вообще подумать страшно – биатлон и лыжи без перерыва. На беду свою, спортсмен я – выступаю и за Академию, и за Ленинградский гарнизон, и за округ. Вы меня простите, но, как военный человек, я под приказом – отказаться не могу. А это время... время, которое должно бы потратиться на гистологию...»

Честно всё Тума сказал. За такую речь любой обычный доцент сразу один балл добавляет. Но Хилова – это не обычный доцент, это Хилова: «Хм-м-м, прапорщик. Значит, бегать любите? Так побегайте!» С этими словами Хилова подходит к окну и в открытую форточку выбрасывает зачетку Тумаева во двор морфологического корпуса.

И вы думаете, что тумаяевский случай – нечто особенное? Ничуть не бывало! Это у неё привычка была такая. На нашем же курсе она выкинула зачётку одного фехтовальщика и доподлинно известно, что у «пеликанов» она точно так же поступила с каким-то чемпионом-гиревиком, а у «дебилов» (два года разницы с нами) выкинула аж четыре зачетки. Слухи о её неординарном поведении с курсантами-спортсменами разлетелись вроде бы по многим советским ВУЗам. Потом добренькие доцентики кучу спортсменских зачетов в окна повыкидывали, подражая нашей незабвенной Хиловой. На такие изобретения патент не требуется и копирайт никто не соблюдает. Однако есть весьма веские основания полагать, что доцент Хилова была первооткрывателем. А дальше что, дурное дело – не хитрое!

Очаговая рыбалка

Сдали мы последние злочиные зачёты, но перед летней сессией нас ожидало еще одно интересное мероприятие под названием «Очаг». «Очаг» – это зона ядерного, химического и бактериологического заражения. Только понарошку. Ежегодные учения такие. Завезли нас, первокурсников, в Красное Село – ходить в атаку с «бэтээрами» да изображать из себя убитых и раненых, после того как над нами ядерная бомба взорвется.

И выпало нашему отделению идти помогать эту ядерную бомбу делать. Интересно соорудить собственными руками собственное завтра – завтра эта бомба нас убить-поразить должна. Тогда бомбу делали основательно: из досок соорудился весьма крепенький высокий настил-эшафот, на нем строилась из бочек с соляркой некое подобие египетской пирамиды (если не Хеопса, то уж Рамзеса точно), а в каждую бочку опускался взрыватель с небольшой толовой шашкой в полиэтиленовом пакете. На следующий день над этим местом пролетал самолет и бросал макет ядерного фугаса на парашюте. Макет падал на землю недалеко от места «бомбы», и в этот момент подрывалась установка. Громадный гриб пламени и здоровое черно-оранжевое облако характерной формы давали хорошую иллюзию ядерного взрыва. Мы все падали на траву, и начиналась показушная работа военных медиков по этапам эвакуации и ликвидации последствий очага поражения.

Так вот, за день до Апокалипсиса-Армагеддона работаем мы спокойненько, катаем себе бочки, и тут видим, как два прапора-подрывника на пару с капитаном-сапером решили бочку умыкнуть. Выбрали ту, что поновее да без вмятин, и закатили в свой крытый «ГАЗ». А взрывчатку достали и примотали изолентой к другому запалу из соседней бочки. Провод же просто обрезали. Мы это дело смекнули и, пока следующий ряд бочек не поставили, быстренько и незаметно из этой бочки запал достали и лишнюю тротилтовую шашку отмотали. От греха подальше спрятали ее тут же недалеко в кустах. Шашка как была в полиэтилене, так мы ее даже не разматывали. Землицей и дерном присыпали, чтоб не сдетонировала по соседству с «ядерным» взрывом. И чтоб никто не нашел, если пропажи хватятся. Потом эту бочку другими бочками заставили. Только мы работу закончили, как офицеры пригнали солдат и выставили возле «бомбы» боевой караул. Значит, тротил нам сегодня ночью не забрать... а мы и не торопимся. Похоже, пропажу никто не заметил.

Наутро все в атаку, потом самолеты над головами, взрыв, затем разнос-развоз кого куда по площадкам дегазации-дезактивации и дальше по медпунктам, медбатам и госпиталям. Короче, «Очаг» в разгаре. Только вечером следующего

дня нам удалось в «эпицентр» сбегать. Лежит себе наша шашка, ничего с ней не случилось. Решили мы ее в наш домик принести. Принесли, сели и думаем, что с ней делать. А тут у нас один взвод в наряде по столовке ошивался и за столовкой костер из старых досок палил. Вот и стукнула нам идея словить немного рыбки и у них на том костерке ухи сварить. Тогда терроризма не было и тротил использовался исключительно в мирных и благородных целях.

Пошли мы через дырку в сетчатом заборе, что еще с абитуры была известна, вниз за железную дорогу – сразу за ней здоровые пруды. К пруду подошли, когда уже вечерело. Хотя в белые ночи темноты не жди. Подумали, где место получше и куда кидать. Вот и позиция выбрана. Коля Миляев где-то надыбал (наверное стырил у того же сапера) сантиметров тридцать-сорок бикфордова шнура. Такого плотного, в черной полупрозрачной изоляции, который под водой горит. Мы аккуратно проволоку от патрона обрезали, а усики от капсуля отогнули. Потом этими усиками к капсулю прикрепили бикфордов шнур. Затем капсуль-детонатор со шнуром опять в шашку засунули.

Огляделись – вроде вокруг никого нет. Еще раз осмотрели место, куда кидать. На вид самое глубокое место получается. Засунули в пакет небольшой камень, чтоб уверенно шашку на дно пустить, подожгли шнур, кинули и бегом от берега за бугорок. Проходит минута. Думаем, уже взрыв должен быть. Ничего. Встаем и идём к берегу. Ещё с минуту всматриваемся в воду. И тут замечаем нашу шашку – лежит она почти на поверхности на здоровой куче из плавающих водорослей, листьев кувшинок и стеблей тростника. Коля говорит с досадой: «Всё, просрало! Наверное шнур потух. Щас полезу доставать». И с этими словами начинает скидывать свое х\б галифе.

И тут как бабахнет! Грохот такой, что мы все сразу оглохли. Затем на нас с неба посыпался плотный дождь из водорослей, ила и другого мусора. Оказывается, во-первых, если взрывать не электротоком, то этот детонатор имеет приличную отсрочку, а во-вторых, пруд именно в том месте, куда мы нашу глушилку закинули, был глубиной сантиметров в двадцать-тридцать, с очень илистым дном. Коля же нас уверял, что если два-три метра воды будет – то глушить безопасно и почти не слышно. Рыбу мы искать не стали, да, наверное, кроме каких-нибудь мальков там ничего и быть не могло. А стали мы тикать с того места, что было у нас сил. Уж больно громко и заметно все получилось. Потом полночи втихаря форму от ила отстирывали. Не-е, на рыбалку лучше с удочкой. Надежней.

Кролик в сметане

А что, вкусное блюдо. Берется тушка кролика, разделяется, обжаривается, затем лук и соль, еще чуть жарим, перец по вкусу, заливаем сметаной и тушим. Готово. Пальчики оближешь! Не знаю, как сейчас, но в мои курсантские годы крольчатины в Военно-Медицинской Академии было завались. Правда, не в столовой.

Сессию мы сдали, уехали в летний отпуск. Месяца отдыха как не бывало – и вот снова мы в стенах нашей alma mater (это так родной ВУЗ по старинно-студенчески, по-латыни «мать-кормилица» буквально означает). Да только кормилица нас в чёрном теле держала, чувство голода не ослабевало.

Началось все с полковника Шостака – профессора кафедры нормальной физиологии. Он на лекции сболтнул, что все кролики после острых опытов выбрасываются. Острый опыт – подопытному каюк. Затем биохимия пошла – кролик на кролике. А уж про «патфиз» вообще молчу – сплошной садизм. Там мы кроликов изводили, как немцев под Сталинградом. Как-то после очередной бойни пошли мы на ужин. На ужине, как и на лекциях, я рядом с Колей сидел. Обычно ковыряли мы малоаппетитную водянистую картошечку-пюре да травили друг другу чего-нибудь. Травили, понятно, в переносном смысле, хотя той картошкой и без яда отравиться недолго было. Но в этот раз привычного застольного разговора не получалось – Николай был как-то рассеянно-молчалив, и мысли его явно витали где-то далеко от столовой.

– Ты чё? Идею мирового масштаба обмысливаешь или о дамах мечтаешь? Мировой Империализм али спермотоксикоз замучил? – спросил, наконец, я, чтобы хоть как-то прервать молчание.

– Что..? – Коля с трудом вернулся к реальности.

– Ты целый вечер как сомнамбула – всё о чем-то своём думаешь... Прорыв в современной медицине готовишь?

– Лучше. Много лучше. Ты помнишь, что сказал на лекции Шостакович? – он слегка наклонился ко мне и произнес эту фразу полупрошептом.

– Хм... Твоим конспектом можно воспользоваться? – прошептал я, подражая своему собеседнику.

– Да ты уж точно такое не записал. Хотя это была самая важная мысль в его лекции.

– И какая же?

– То, что кролики после острых опытов выбрасываются!

– На Нобелевку не тянет...

– Вот я и говорю, что все самое важное ты пропустил. Кролики! Куча мертвых кроликов! Сам подумай, завтра у нас «патфиз», скольких мы заморим?

Я добросовестно попытался прикинуть количество, все еще не понимая, куда клонит мой товарищ. Смотря сколько опытов будет. К концу «лабы» по одному на человека точно... И тут я уловил ход Колиной мысли – это ж три килограмма свежайшей крольчатины на нос! А что, «забой» час-два назад, никакой гадостью не колют, а если колют, то естественными добавками, к примеру, адреналином. Экологически чистый продукт! Такой свежатины и в магазинах не найти. И делов-то никаких – на всех «вкусных» кафедрах мы уже давно перезнакомились с нужными лаборантами, которые в лабораториях после занятий результаты наших трудов (кроличьи трупы) прибирают. Можно спокойно пойти и попросить тушки.

Простота этой мысли поразила меня настолько, что я некоторое время оторопело молчал. Оставшееся время ушло на разработку плана. Все выглядело достаточно просто. В портфель, если не брать с собой учебников, вполне могло поместиться два-три крола. Но одной крольчатины мало. Для полноценного блюда нужна еще картошка и лук. Тут еще проще, этим можно на месте разжиться. Прямо тут же кинули жребий «на гонца» – бежать за корнеплодом выпало мне в подвал нашей столовки, в «корни». Так мы называли полуподвальное помещение, где лук и другой овощ наряд чистил. Стоило туда с кулечком спуститься, как любой был рад радешенек тебе хоть сто кило

отсыпать. Им же работы меньше. Ну нам сто кило не надо. Пара хороших луковиц да три десятка картошин, этого за глаза хватит.

На следующий день мы уже вышагивали на Факультет, крепко сжимая в руках пузатые портфели с заветными кроликами, когда я остановил Николая.

- Подожди.

- Ты чего? - нетерпеливо ответил он, сглатывая слюну.

- А где мы их обдерем? Не в комнате ведь, мы же там всё кровью измажем!

Долго думать не пришлось - ободрали в умывальнике. Шкурки, ушки, требуху - в мусорный бак, мясо - в пищу. Оставался самый важный вопрос: где и как это приготовить? На наше счастье, в буфете работала тётя Света - чудная женщина. Она курсантов никогда не обижала. Даже в долг под честное слово товар отпускала. И это при социализме! В ответ курсанты всех факультетов её уважали и долги возвращали целиком. К ней мы и решили обратиться. С участников трапезы собрали деньги на сметану и послали другого гонца к ней в буфет. Сметана у тётя Светы всегда была - полстакана 5 копеек. На трех кролей надо два стакана. И еще надо было у Светланы Николаевны печку попросить. Точнее - кастрюлю с печкой. Дала она нам здоровую кастрюлю, куда мы насыпали резанные куски кролика и остальные ингредиенты, затем поставила к себе на печку. А через час позвонила на курс - идите, забирайте свое варево. Надо было варево по бачкам разлить (бачки в курсантской столовой ещё вчера своровали), тётя Свете кастрюлю отмыть и спасибо сказать. Всё, можно на ужин не идти. До свидания, дары моря с картошкой, отдающей аспирином, сваренные на воде с машинным маслом. Крольчатинка куда лучше!

Такая насыщенная белком калорийная добавка к рациону со второго курса стала делом обычным. Вскоре многие комнаты нелегально обзавелись электроплитками и скороварками - крольчатина стала готовиться за 15 минут. К тётя Свете только «чилийцы» бегали. У них начальник курса козловатый был - капитан Ольшанский, по прозвищу Пиночет, плитки беспощадно изымал. Нас, кстати, «горбатыми» звали - наш начкурса уж очень припахивать нас любил по поводу и без повода. Ну а курс «дебилов», что старше нас - у тех начкурса алкаш был, а сами они лодыри страшные и всегда на халюву пожрать к маленьким зайти любили. Еще были «пеликаны», «помидоры» и «штирлицы».

«Штирлицев» так прозвали за любовь всё вынюхивать, а потом всех и вся закладывать, а также за фамилию их сволочного шефа – полковника Исаева. «Помидоры» были первокашками-минусами и до собственной крольчатины ещё по сроку службы не доросли, а остальные крольчатину уже переросли.

В нашей комнате скороварки не было. Надыбали мы как-то четырех кроликов и пошли к тётё Свете. А там уже два «чилийца» самую здоровую кастрюлю мясом загружают. Мы и говорим – давайте, мужики, мы к вам досыпем. Они – нет проблем, товарищи «горбатые»; у нас два кроля всего, у вас четыре. Сыпьте, а на финише разделим – две трети вам, треть нам. Только мы кастрюлю на печку поставили, как еще каких-то два «дебила» на хвост падают. А мы с ними слегка знакомы, вроде и послать неудобно, и кормить этих вечных халявщиков неохота.

И тут Колю вдруг на щедроты пробивает. Он говорит: классно, что вы, мужики, к нам на огонек зайдете, мы так рады, в компании ужин веселее, а то нашу еду кроме нас никто не жрет. Заходите к нам в комнату, когда все готово будет, часа через три. Мы, мол, планируем отужинать попозже. Те отвечают: ладно зайдём, смотрите, все без нас не сожрите.

– Да не бойтесь. Останется, я же говорю, кроме нас никто не жрет! – успокаивает их Коля, прямо мать Тереза какая-то из Ордена милосердия.

После этого Коля пулей куда-то убегает. Готова наша крольчатина через час-полтора. Забрали мы свою долю, раскидали по бачкам, а пару кусочков оставили какому-то «помидору», кастрюлю отдали ему же мыть, как младшему. Принесли жратву в комнату, а там все уже в сборе – мяса ждут. Появляется Коля и держит под мышкой электроплитку, а в руках скороварку – видать, у соседей попросил. Только вот зачем? Вроде всё готово... И говорит Коля: «Мужики, вы тут быстро ешьте, а то мы гостей ждем – сейчас им свеженького поставлю». Мы опять думаем, чего это Коляна такой безудержный альтруизм обуял? А насчет еды нас два раза упрашивать не надо – в момент все бачки разобрали и на крольчатину набросились.

Народ наелся и стал расходиться. Всю крольчатину сожрали подчистую и остатки юшки в бачках хлебом вымакали. Тут Коля свою скороварку открыл – по всей комнате запах свежего мяса. Тут как раз те двое «дебилов»-хвостопадов появляются. И черт, абсолютно с пустыми руками, хоть бы батон хлеба купили или там варенья какого, да хоть заварки чайной принесли бы. Но «дебилы» и есть дебилы.

Коля их усаживает как почетных гостей. Ставит перед ними скороварку, нарезает хлебушка, рядом банку с кипятивником под свеженький чаек. С чайниками были большие хлопоты и проблемы с хранением, поэтому мы совали ведёрный кипятивник в трехлитровую банку и готовили кипяток за две-три минуты, а потом бросали туда ложку заварки. Настаивали недолго, наливали через «ременно-приводную передачу» – солдатским ремнем обхватывали банка, как держак.

Гости начинают жрать – аж хруст стоит. Хвалят кролика, говорят, особенный вкус у него сегодня. Им больше нравится, чем обычный. Тут Коля вскакивает и говорит:

– Вы чё, мужики? Я же вас предупреждал! Я же вам говорил, что кроме нас это мясо никто не жрет. Вы же сказали, что жрете! Я вас по-дружески позвал. А вы мне кролики-кролики. Нету у нас кроликов сегодня! Лекция по патологической физиологии была, всего одна кошка. Так что чем богаты, тем и рады!

С этими словами он достает целлофановый кулек, где лежат отрезанные концы кошачьих лап, кошачья голова и хвост. Оказывается, специально на «патфиз» Коля сбегал – порылся в их желтом помойном баке с красной надписью «биологические отходы», чтоб гостей накормить. Ушли «дебилы» сразу. Спасибо не сказали, блевать не блевали... по крайней мере, у нас в комнате. Напоследок сказали: «Что за козел ваш майор Коклюшин, Автоковбой навороченный, до чего своих «горбатых» зачморил – уже кошатину жрать стали...» И больше никто к нам за халявой не заходил.

Почему Академия не ходила на парадах

Может, сейчас и ходит. Но вот в советское время категорически не ходила. Не ходила до моего поколения. Тогда была одна попытка – Штаб Ленинградского Военного Округа пытался заставить курсантов помаршировать на параде в честь Седьмого ноября. И безуспешно. Об этом и рассказ. Мы тогда на втором курсе были... Начало семестра, а тут на тебе – приказ из штаба округа: Военно-Медицинскую Академию строим на парад!

Любой курсант-медик сорок сороков раз проклинал строевую подготовку. Хотя чего греха таить – даже на самых суровых курсах, где начальники были слишком военные, строевая занимала в самом крайнем случае этак одну десятую от нормы любого командного училища. Академию этот факт вполне устраивал, а вот Ленинградский округ нет. Всякое училище и любая офицерская академия Ленинграда три раза в год (Седьмого ноября, в День Революции; Первого мая, в День Солидарности; и Девятого мая, в День Победы) на Дворцовой Площади парадным маршем ходят. И вот захотелось штабу округа нашу ВМА туда включить. По правде сказать, Академия свою лепту тоже во всесоюзные праздники вносила – в оцеплении стояла. То есть наш курсант три раза в год работал живым забором, а на большее строевой выучки не хватало.

Получил наш строевой отдел приказ и призадумался. На подготовку около месяца. Стали строевики все курсы гонять – лучших искать. Отобрали. Сделали сборную-солянку из офицеров 1-го Факультета, затем «краснопогонников», вслед за ними «небеса-летуны», а замыкают «мореманы». Красивая группа получилась. На тренировочных маршировках вполне нормально топала. До последней репетиции. Дождь в ту ночь был страшный. По времени – снегу бы давно лежать, а Дворцовая в лужах глубоких.

Идут всякие училища – только буруны по лужам. Вода на брусчатке как горная река под строевым шагом пенится. Идет Академия – тишь да гладь. Строй «академиков» как по команде перед каждой лужей расходится и ее аккуратно обходит. А что – по воде мокро топать! Посмотрел на это командующий округом из своего кабинета, что прямо над аркой был, и в гнев. Ногами своими маршальскими по паркету топает и орет: «Чтоб этот позор мне столбом стоял – двигаться этим лекарям на параде категорически запрещаю!»

Говорят, что в шестидесятых запретили из-за того, что половина строя не в ногу шла. А вот в восьмидесятых из-за лужи – это точно. Нам приказ разъяренного командующего перед строем зачитывали.

И правильно. Традиция у нас такая – что касается «строевой», то не более чем в оцеплении постоять. Кстати, неплохо время проводили. Каждый сознательный курсант обзаводился пустым контейнером для донорской крови. Очень удобная штука! «Глюгицир», жидкость-консервант, сливается, в пустой пластиковый пакет наливают пол-литра водки, после чего вешают его на внутренней стороне шинели под мышкой. Никто не заметит. Пластиковая трубка выводится в рукав. На двоих курсантов в оцеплении достаточно одного пакета. Легонько прижимая

пакет рукой, живительную влагу подают по трубочке через рукав прямо в рот замерзшему и жаждущему «оцепленцу». И греет, и веселит! Нет, в оцеплении определенно лучше, хоть и дольше.

Не чай

На следующем семестре началась у нас трудная наука – оперативная хирургия и топографическая анатомия, или по-нашему «оперативка с топочкой». Этой кафедрой заправлял профессор, полковник медслужбы Нечай. Была у профессора Нечая одна привычка – он на своих лекциях всегда чаек прихлебывал из здоровой белой кружки. И был на той кружке красивый рисунок Петропавловского Шпиля и именная надпись с другой стороны – что-то мелкими буквами, а потом фамилия довольно крупно, так, что со скамеек в аудитории прочесть можно было. Мы на Факультете тоже чайком баловались. Правда, кружек с дарственными надписями у нас не было и чай мы хлестали из чего придется.

Учился у нас на курсе один курсант, Саня Хутиев, или просто Хут. Хут был мало известен за пределами нашего курса (исключая женские студенческие общежития Ленинграда). А профессор Нечай наоборот – был весьма известен – председательствовал он в каких-то высоких научных кругах, где всякие именитые хирурги ему свои докторские диссертации на рецензии посылали. Наверное в этих кругах профессору его знаменитую кружку и изготовили. Но вот однажды у Хута появилась точно такая же кружка, как у профессора Нечая. Да и на обороте этой кружки красиво написано «НЕЧАЙ». Правда, без мелкого текста. Хут эту кружку очень берег, сам чай из неё никогда не пил и никому не давал. Мы думали, что эту кружку ему сам Нечай подарил, или он ее как-то иначе у профессора надыбал. Ну и само собой разумеется, что такую реликвию беречь следовало.

Пошли мы как-то раз в Хутовскую комнату на вечернее чаепитие. Чаёк грузинский, батон с маслом, кусковой сахар-рафинад – всё как полагается. Народу человек пять-шесть собралось, на всех тары не хватает. Чай готов – ведерный кипятыльник трёхлитровую банку до кипения быстро доводит. Как обычно, солдатским ремнём банку схватили, надо разливать. Смотрим, на Хутовской тумбочке кружка «Нечай» стоит. Заглянули в кружку, изнутри

коричневый налет – значит, всё же Хут её использует. Самого Хута в этот момент на курсе не было. Он, как обычно, вечерами на стороне со студентками предпочитал рюмкой чая баловаться. А, была не была, наливаем чай в кружку «Нечай». В этот вечер многие из неё чайка попили.

Пришел с гулянки Хут. Увидел свою кружку на столе, хватает её и сразу чай в форточку выливает со словами, что ему эта кружка кружка срочно нужна и чай из неё пить нельзя. После этого берёт кружку и ещё что-то из своей тумбочки и идёт в умывальник. Мы думаем, во как Хут обиделся, даже чая допить не дал – наверное, пошёл свою реликвию отмывать.

Через пару минут возвращается Хут. Совсем не злой, вполне довольный. На морде написано, что хорошо погулял, явно давление в семенных пузырьках не мучает.

– Хут, ты уж извини, что кружкой Профессора Нечая попользовались.

Хут начинает ржать:

– Ну вы, мужики, даёте. Профессора Нечая! Ха-ха! Да я эту кружку за 30 копеек в Гостином Дворе купил.

– А надпись?!

– А что надпись? Я её на Микробах сделал – там есть такие буквы-переводилки, специально фарфор подписывать.

– Хут, а на хрена ты профессорскую фамилию написал? Писал бы сразу «Иванов, Начальник Академии», или лучше вообще «Министр Оборона!»

– Мужики, вы чё?! Какая фамилия?! Русским же языком специально для вас всех написано «НЕ чай».

– НЕ чай?! – и точно, «не чай», между словами места чуть больше, чем между буквами.

– Когда я с блядохода прихожу, то я в этой кружке в марганцовке член полощу!

Какое-то чаепитие стрёмное получилось, без обычного удовольствия...

Т.Т. Березов и Б.Ф. Коровкин

Гулянки гулянками, но на втором курсе еще изучают биохимию, науку сложную. Формулки там – как карта города! На кафедре биохимии была одна женщина – доцент Инга Стефановна Гавриленко. И считался этот препод самым грозным. Курсанты её боялись, уж очень она любила отработками закидывать. Неизвестно почему ещё задолго до моего поколения к ней приклеилась кличка «Хромосома». Да и после нас никто её иначе как Хромосомой не называл.

Раньше начальником той кафедры был академик генерал Борис Фёдорович Коровкин. Как только мы пришли на биохимию, этот дядька ушёл в отставку и переехал в Москву. Но перед своим уходом умудрился одну вещь сделать – накатать новый учебник по биохимии в соавторстве с неким профессором Т.Т. Березовым из МГУ. Этот учебник вышел в середине семестра, был довольно толковым, и что самое ценное – последнее новьё, кладезь свежей информации. Хромосома своего бывшего шефа боготворила. Она нам постоянно рассказывала о его научных достижениях, заставила нас немедленно сдать старые учебники Збарского и немедленно получить новые. В её речи «учебник биохимии» означал учебник Збарского и иные пособия. Новый учебник она почтительно и несколько смешно называла «Тэ-Тэ Березов и Бэ-эф Коровкин». Только так. И от нас требовала, что бы мы его также называли. И называли, чтоб не гневить Хромосому понапрасну.

Саня Потехин себя особо учебой не загружал. Биохимию Шура пролетал на предельно малой высоте – учил ровно столько, сколько надо для троечки, пусть даже с минусом. Вот как-то раз на занятии Хромосома что-то его спросила, и Шурино ответа самую малость до этого минуса не хватает. Сидит Хромосома и думает – отработку ему вlepить или всё же трояк. Тогда она задает дополнительный лёгкий вопрос: «Скажите, Потехин, что вы знаете об авторе нашего нового учебника?»

Шура ей и отвечает: «Да там два генерала. Известные учёные. Оба были начальниками нашей кафедры, где один и изобрел клей «БФ» – в любом

магазине продается. А второй изобрел пистолет «ТТ», используется в Советской Армии как табельное оружие!»

А что, похоже. «ТТ» – Березов, и «БФ» – Коровкин.

Двухколёсный велосипед

«Двухколёсный велосипед» – так на биохимическом жаргоне связь орнитинового цикла с циклом трикарбоновых кислот Кребса называется. Схема реакций и ферментативных каскадов, громоздкая и смешная, – если расписать её на бумаге, то чем-то на велосипед похоже.

Уже под конец второго курса была у нас горячая пора на биохимии – подготовка к зачёту. Заходит доцент Хромосома в нашу лабораторию и спрашивает, нет ли среди нас хорошего художника? А у нас в отделении был такой курсант – Виталий Руденко, по кличке Батя. Он детскую художественную школу закончил, рисовал прекрасно – все стенгазеты и боевые листки на нём были. Наш «замок» сразу в него пальцем тычет: «Вот этот, Инга Стефановна, самый лучший мастер Факультета».

Хромосома тогда и говорит: «Мне надо к следующей неделе сделать плакат с двухколесным велосипедом. И чтобы было очень красиво – точно так, как картинка в одном американском журнале. Журнал и лист ватмана я дам, краски ваши. Так как это много времени займет, то к зачёту будет трудно подготовиться. Но если плакат будет красивым, то я вам зачёт без опроса поставлю! Понятно?»

А чего тут непонятного? Шара подкатила – зачёт на халяву! Батя согласен – несите свой журнал и ватман. В конце занятия Хромосома притащила бумагу и толстую подшивку забугорной периодики. С торца выглядывает газетный обрывок – закладка. Виталик это взял и пообещал к зачётному занятию всё в лучшем виде сделать.

Приходим на курс. Открывает Батя журнальчик там, где закладка. На одной странице красивая фотка спортсмена-велосипедиста, похоже, реклама

поливитаминов. Мужик с напряженным лицом крутит педали навороченного спортивного велосипеда, от скорости все чуть смазано. На другой странице никакой картинке нет – начало непонятной научной статьи на английском языке, сплошной текст. Полистали мы эту статью. Статья огромная, страниц на сорок. В статье куча схем, биохимических реакций. Пролистали журнал до конца. Все схемки исключительно черно-белые, мелкими формулками, а занимают по целому листу. Цветные картинки только в рекламных вклейках. И кроме того велосипедиста, что на странице с закладкой, никаких больше велосипедов нет. Наверное, этот плакат Хромосоме для личных целей нужен – может, как молодая, на стенку у себя дома или в кабинете повесить хочет. Да как угодно, за зачёт по Биохимии для неё можно хоть голого мужика, хоть Мону Лизу скопировать.

Сел Батя за работу. Неделю ночами не спал, творил, как Репин. Крутой плакат отбабахал – повесь на стенку в любой студенческой общаге, все студенты обзавидуются. К назначенному времени приносит Батя на зачет свое творение. Заходит Хромосома и первым делом хватать свернутый плакат:

– Ну что, Руденко, хорошо получилось?

– Инга Стефановна, я старался, ночи не спал, но вам судить!

Хромосома разворачивает ватман:

– Товарищ курсант, вы перепутали. Вы мне свой настенный плакат принесли. Кстати, красивый. Немедленно идите на курс и принесите МОЙ плакат!

– Инга Стефановна, товарищ доцент! Это ведь и есть ВАШ плакат – тот самый двухколесный велосипед, полная копия со странички, где ваша закладка...

Хромосома берет журнал:

– Руденко, так вы что, настоящий двухколесный велосипед мне нарисовали? Вообще-то я думала, что вы догадаетесь по статье. Двухколесный велосипед вот!

С этими словами она показывает нам журнальную разворотку, где обе страницы пестрят формулами, замкнутыми в одну гигантскую схему... Хромосома плакат назад Бате отдала. И пришлось ему сдавать зачет на общих основаниях. С первого раза пролетел, потому как не готовился. Со второй попытки сдал. А плакат этот из комнаты в комнату кочевал до самого шестого курса, а перед самым выпуском мы его отнесли на третий курс и там у тумбочки дневального оставили в наследство подрастающим поколениям.

Всё же была мудрость в Уставе Вооруженных Сил СССР: «...Приказ командира должен конкретно объяснять задачу, поставленную перед подчиненным. Формулировка приказа должна исключать любую возможность двойного толкования».

Зеки-рыцари

К середине второго курса Коля занялся наукой всерьёз и позвал меня помочь ему эту науку делать. Он, значит, будет специальный порошок перед вентилятором сыпать, а потом пробы брать с воздуха и поверхностей всего, что на складе лежит. Для каких-то своих расчётов надо было ему узнать, как быстро склад засрать можно и при каких условиях это лучше сделать. А мне надо было бегать с приборчиком, на часы с вертушкой похожим, скорость потока воздуха измерять.

Но было тут одно неудобство – очень уж пыльным эксперимент был. Даже ручка по бумаге писать переставала. Но это мелочь. Коля синих фломастеров набрал. На морду можно респиратор надеть, а вот как форму от этой пыли защитить? Пошли мы к Логвиненко, прапору-хозяйственнику с первого курса, просить б\у х\б, бывшее в употреблении хлопчато-бумажное обмундирование, или попросту старую солдатскую форму. Тот прапор только на первых курсах старшиной по хозчасти службу нёс, никуда из своей конуры, что в «Пентагоне», не высывался. Зато его весь Факультет знал, да и он многих помнил, все через его каптёрку прошли. Логвиненко нашу просьбу выполнил, потому что Коля на первом курсе его правой рукой был – бельевщиком, постели и трусы перед прачечной собирал. Дал нам прапор два х\б, грязных, затёртых, рваных и без погон, зато идеальных по размеру.

Мы шинели сверху надели, бляхи на ремнях и сапоги почистили и вид стал у нас был весьма патрульнобезопасный, кроме разве что неподшитых подворотничков. Сели мы в трамвай номер пятьдесят и покатали от Финбана до самой Ржевки. Долго ехать. Приехали – ещё часа четыре пыль по складу гоняли, пока нас дежурный домой не погнал. Даже умыться не успели – чумазые как черти, и на х\б слой пыли. Мы решили, что шинели надевать не будем, чтобы не пачкать. Сели в трамвай на самые задние места. Время позднее, вероятность нарваться на патруль минимальная. Сложили мы шинелки под сиденьем, сидим тихо и от нечего делать себе руки синим фломастером разрисовываем. Под зековские мотивы – перстни, там солнце на фоне срубленных деревьев, змеи, ножи, надписи блатные. А фломастеры по цвету – натуральная татуировка. Короче, вид у нас стал как у уркаганов со стажем. Ещё и коротко подстрижены были.

Народу в трамвае немного, весь народ весьма солидный, в основном бабушки, а на самых передних местах две молоденьких девчонки сидят – или ещё школа, или максимум первый курс. Тихонько сидят, видно, боятся так поздно ехать. Вдруг вваливается какое-то подвыпившее чмо. Тоже молодой, явно вот-вот в армию пойдёт. Оценил ситуацию и давай бабушкам хамить, к девчонкам приставать. Мы далеко, он нас не заметил. Ну кто на «пятидесятке» ездил, тот знает, по какой глухомани, по каким промышленным районам этот маршрут проходит. Ни у девчонок, ни у бабулек и мысли нет, чтобы сойти. В трамвае хоть при свидетелях, какая ни есть защита. И хам это прекрасно знает и этим пользуется. Полез девчонок лапать, не то чтобы откровенное насилие, но смотрится гадко. Пора вмешиваться.

Коля встаёт, я за ним. Коля мне жестом показывает, молчи, мол, и следуй за мной. Подходим, где девицы сидят. Коля на гопника пальцы веером и скрипучим голосом медленно говорит, по-зековски, с придыханием: «Ну что ты тут тццянешь, фраер? Ну что ты весь на понтах, как на шарнирах? Что ты фуфло распустил, как говнило? А ну нитки с автозака скинул! Если мы с тобой до первой пересылки в этом тамбуре дочалимся, то там с нами пойдешь, поучим тебя кукарекать. Ты понял, без двух минут петух?»

Гопника как подменили. Я-то просто дылда, а Коля ещё и атлет. Два таких зека на одну его бедную попочку! Подходит он к трамвайной двери, срывая ногти, открывает щель и прыгает на ходу в ночь.

Тут мы всё возможное обаяние включили и культурно перед окружающими извиняемся. Извините, товарищи, за грубость и вульгарные слова, ситуация

вынудила. Да только никто нам не поверил. Даже девчонки спасибо не сказали. Всю оставшуюся дорогу народ ехал насупившись и только в передней части трамвая, а мы в гордом одиночестве сидели сзади. Оно и понятно – держаться от зеков лучше подальше.

Первый взвод – первый прыг

Наконец, этот семестр пролетел и мы сдали летнюю сессию. Эх, обычно такая вольница после экзаменов накатывает, но не сейчас. Сейчас у нас по расписанию прыжковая подготовка. Дело в том что мы первый взвод. А первый взвод – это группа подготовки врачей для ВДВ – воздушно-десантных войск. В этих войсках с самого момента их создания существует одно железное правило – прыгают все. От сопливого молодого солдата-свинаря до многозвёздного генерала, командующего этими самыми войсками, – парашют на горб и с самолета в бездну гоп! Исключений не бывает. Точнее, бывает, но нелегально и не так чтоб совершенно без прыжков. Нормальный десантник десантируется по несколько раз в год, а тех, кто не прыгает, в ВДВ шибко не любят. Хотя если ты уже сед, лыс и многодетен, то прыгни в году пару раз, а остальные разы за тебя кто-нибудь постарается. Короче, отдай свой офицерский червонец (тогда столько за каждый прыжок платили), а потом стой себе на площадке приземления и тыкай пальцем в небо с радостным воплем: «О! Вон я полетел!». Нам до такой ситуации лет двадцать служить оставалось...

Итак, положено нам уехать на полтора месяца в настоящую десантную часть, там выучить нехитрое парашютное дело, сигануть свой первый раз, а потом, кто как... Кто не из ссыкливых, те и по три раза за день полетать умудрялись. По закону можно только два раза. Точнее, можно сколько хочешь, но больше, чем за два прыжка за день, не платили. Это если легально. А если за дядю, то он и платит. Получается не просто вшивые курсантские два пятьдесят, а еще и полновесная офицерская десятка сверху. А то и пятнаха, если дядя не жмот. Хоть и стрёмно чужой парашют на себя цеплять (пойми ты, как он его укладывал – видали мы, как асы купол в ранец ногами трамбуют), но всё равно прыжки мы полюбили – по нашим нищим меркам они были дельцем выгодным. Такими темпами на парашютиста-отличника можно было за неделю напрыгать. Положить в карман сотни полторы, а потом еще рисоваться хорошей цифрой на значке-парашютке... Вроде круто. Да только вся эта бравада возможна только после грёбаного первого прыжка! Вот уж поистине незабываемый миг...

Воеводой с нами едет добрый дядька Ридкобород. Фамилия такая у этого полковника с кафедры ОТП, оперативно-тактической подготовки или «тактики» по-нашему. У «полкана» значок на тысячу прыжков... Охренеть. Может, брак заводской, станок лишний нолик прилепил? Воевода классный, он уже лет десять как с первым взводом ездит. Курсантская молва его повадки разнесла – будет пить коньяк и прыгать столько раз, сколько самолёты летать будут. Запаску сам уложит, а основной купол заставит складывать курсанта – станет над душой и изготвится дать пинка, если что-то не понравится. Остальным ему заниматься особо некогда. Нас такой подход вполне устраивает.

Вот добрый дядька Ридкобород появляется перед строем:

– Ровня-а-асссь! Смирна-а-а! Поедем посредством автобусов. До вокзала. А там поедем посредством поезда. До Каунаса. А там поедем посредством машины «Урал» со срезанной кабиной десантного образца. До Пренаи. Повторяю для дураков: Литовская ССР, Каунасская Дивизия ВДВ, учебный парашютно-десантный полк, дислоцированный в посёлке городского типа Пренаи. Задачу уяснили?

– Так точно, товщ полковник!!! – рывкают тридцать глоток.

Посредством так посредством. Поехали в общем вагоне. Ридкобород полпути рассказывал всякие воздушно-десантные страшилки, в основном как парашюты не раскрываются, а мужественные воины-десантники с такой незадачей доблестно справляются в воздухе, приземляясь живыми и невредимыми, лишь слегка побледневшими, но готовыми к выполнению поставленной задачи в полном объёме. Нас такие рассказы почему-то никак не вдохновляли и нашего боевого духа не поднимали. По Ридкобороду же выходило, что настоящему десантнику парашют вообще не нужен – при желании и соответствующем моральном настрое с самолета и без него можно прыгать, а потом уже в падении что-нибудь придумать. Но потом Ридкобород ушел в вагон-ресторан, наказав нам вкушать выданный в дорогу сухой паёк, и мы вернулись к привычному делу – карточным играм, глазению в окна и попиванию припрятанных спиртных напитков. Что вернувшийся из вагона-ресторана полковник может это унюхать, мы не верили – после вагона-ресторана он если даже голову засунет в цистерну с медицинским спиртом, и то скажет, что пахнет гуталином от начищенных сапог.

В Каунасе оказались рано утром. Встречают нас двое офицеров-десантников – майор и капитан. Майор был тыловиком того учебного полка, а капитан офицером ПДС – парашютно-десантной службы. Эта та самая зверская служба, что непосредственно к прыжкам готовит. Офицеры перед полковником вытянулись как молодые, но Ридкобород, хоть дядька и дюже военный, но добрый и демократичный. Нам он офицеров представил коротко: «Сыны! Это ваша мама, а это вообще бог». Так и стали эти офицеры для нас Мамой и Богом.

Мучения начались часа через два. С Каунаского вокзала до Пренаи в открытом кузове «Урала» добрались за каких-то полчаса. Часть там стояла здоровая. Учили в той части сержантов-десантников, командиров самоходных артиллерийских установок. Была тогда такая алюминиево-титаново-магниевая зверюга, «Ноной» обзывалась. Самоходка не пойми какая. Не то супер-крупнокалиберный миномёт, не то короткая гаубица. Короче, резвая пушка на гусеницах. Стреляет чем попало, своего боеприпаса мало берёт, больше рассчитывает на подножный корм – чего там десантники у врага захватить умудрятся. Кроме какой-то хитрой итальянской мины с электронным взрывателем сбоку, любой другой боеприпас приблизительно калибра к ней подходил. И само собой разумеется, сержант, сидящий в «Нонином» нутре, должен был быть немножко сверхчеловеком. А для этого парашютно-десантная подготовка в полку зашкаливала за все физиологические параметры вида Homo Sapiens.

Едва мы успели скинуть вещмешки и застелить кровати, как прозвучала команда Бога: «Шнурки! Предпрыжковая беговая подготовка двенадцать км! За мной строем бегом марш!» И всё радостно так, будто праздник какой... Кроссовки и кеды надеть не разрешил, заставил в сапогах бежать. Пробежали. У кого предынфарктное состояние, у кого пароксизмальная аритмия, у кого агонирующее дыхание Чейн-Стокса, у кого гипертонический криз, у остальных просто клиническая смерть. А Бог, улыбаясь, пошел пить коньяк с Ридкобородом – приезд обмыть. Да-а, были люди в наше время, как говорил один военный поэт, давно, правда.

Мама нам особо не докучал – выдал постельное бельё и прикрепил к столовой. Потом выдал парашюты, ботинки, шлемы и десантные комбинезоны. Потом мы ему в складчину купили пузырь водки, столько же коньяка и глиняную бутылку благородного Рижского Бальзама. При виде водки и коньяка Мама одобрительно крякнул, а вот при виде Рижского Бальзама лишь удручённо вздохнул – ох уж эти «шприцы», так их в Академии ничему дельному и не научили... А вот Бога спиртное не брало вообще. Наверное, постоянные прыжки с парашютом на

печеночный фермент алкогольдегидрогеназу пагубно влияют. Слишком активно у таких спирт в организме перерабатывается. Мама, Бог и Ридкобород крепко квасили всю ночь, а буквально на следующее утро Бог приперся к нам бодрый и с радостным заявлением, что для курсантов-медиков утренняя зарядка отменяется. Понятно, мы заорали дружное «Ура!!!». Рано обрадовались – зарядка отменяется, а вместо нее вводится утренний час физических упражнений с последующей двухчасовой физической предпрыжковой подготовкой. Итого три часа вместо привычных тридцати минут. Но вставать надо, понятно, на два с половиной часа раньше...

Эх, забавное это дельце – предпрыжковая подготовка! Вначале просто садизм – бегать-ползать, приседать-отжиматься, прыгать-подтягиваться. Потом начинается садизм с извращениями. Бегать внутри шин, бегать по шинам. Бегать по бордюрам, положенным под углом в сорок пять градусов. Потом прыгать по бордюрным ребрам, да так, чтоб нога не соскальзывала. Потом зажать между ног три брусочка и прыгать с «третьего трамплина». Какой дурак обозвал эту этажерку из сварного уголка трамплином? И почему третий трамплин равен балкону второго этажа? А прыгать-то с него на обычную твёрдую землю, блин! Мы, будущие врачи, оказывается самых прописных истин анатомии не знаем. Например, поломать одну бедренную кость можно всего при усилии в 750 кг. А если ноги вместе и прыжок по технике – то уже шесть тонн надо. Правда, шесть тонн – это всего четыре секунды свободного падения, если парашют не раскрылся. Тут-то поломанные бёдра из ушей и вылезут.

Но вот физическая предпрыжковая подготовка кончилась и началась техническая предпрыжковая подготовка. То же самое, только вид сбоку. Маленькое отличие – есть «стапеля», «канатка», «лоппинг», «качели» и «вышка». На стапелях болтаешься как мешок с дерьмом, отрабатываешь поведение в воздухе. В общем, стапеля – это парашютные стропы на земле. Канатка даёт весьма приятные впечатления – этакий гибрид русской канатной дороги в Приэльбрусье и американских горок в Диснейлэнде, отработка навыков приземления при сильном ветре и большой линейной скорости парашютиста. Хотите испытать? Да запросто – спрыгните со скорого поезда задом наперёд. Или с самолета при взлёте, это даже вернее будет. Лоппинг – это устройство скоростного блёва. Этакое колечко, внутрь которого надо залезать и пристёгиваться. А потом крутиться, пока рвотный рефлекс не подавит сознание. Третьесортное удовольствие. А вот вышка... Вышка – это кайф. Если бы за прыжки с вышки ещё и платили, то я бы до пенсии с этой громадины не слезал, прыгал бы без выходных. Мы на вышку лезли, пока позволял мышечный тонус в конечностях – под конец крупная дрожь в руках и ногах свидетельствовала о

серьёзном переутомлении, дни напролет карабкаться по вертикальной лестнице тоже не шутка. Зато какое удовольствие от короткого мига свободного падения, затем аэродинамический удар, когда купол воздухом наполняется, а затем медленное парение! Хотя не такое уж медленное – прыжковая скорость приземления около десяти метров в секунду, как у чемпиона-спринтера. И если упадешь на бок, то как раз получается как с разбегу в стенку, мать её...

А самое главное дело – это укладка парашюта. Никто никогда не выпрыгнет из самолёта, не зная, как работает парашют. Это интересно – берёшь собственный купол, обрываешь контровку (веревочку, препятствующую случайному раскрытию), а потом двумя пальчиками без всяких усилий вытаскиваешь многометровую громадину, что будет держать тебя в воздухе. Простенькой парашютной технике начинаешь верить всерьёз. Сумка опечатывается, и если парашют укладывал сам, то причин для его нераскрытия в природе быть не может. Почему порой парашюты не раскрываются, разговор отдельный, но вообще-то там всё настолько примитивно и просто, что кроме как преступной халатностью подобные случаи и не объяснить. Такая вера в надёжность собственного купола и побеждает 90 % страха перед первым прыжком. На асфальтовом плацу растянули «столы» – длинные брезентовые полотна. На них разложили парашюты. Выровняли стропы, «расчесали», специальными вилочками разложили их по резинкам-гузырям. Затем аккуратными рюшечками уложили и сам купол. Засунули стабилизатор с маленьким вытяжным парашютиком в прочную авизентовую камеру, прицепили к ней карабин, который после прыжка остаётся на тросе в самолете, а вытяжной парашютик держит вас за шкуру стандартные три секунды, пока не раскроется главный купол. Проверили приборы-анероиды, что выпускают главный купол в случае ранения или контузии десантника. «Взвели купол на кольцо», но для верности подстраховались – автоматическая система раскрытия выставлена по давлению воздуха, сиречь по высоте, и по времени с момента отделения от самолета. Получается тройная страховка – ты сам и прибор два раза. Но правило железное – самое надёжное всё же кольцо, его ты сам дёрнешь, а прибор всего лишь железяка, не ровен час заржавеет. Человеческий «таймер-секундомер» прост – бубни вслух мантру: «тысяча-один, тысяча-два, тысяча-три, кольцо!» Первое просветление наступает при раскрытии парашюта, второе – при приземлении. Накануне посвящения сон чего-то не идёт. Чаю много, что ли, выпили...

...На дворе поздняя ночь переходит в раннее утро. У дверей казармы тускло горит дежурное освещение. В проходе появляются Бог, Мама и дядька Ридкобород. Тихо совещаются о чем-то. Ридкобород достает обычную солдатскую фляжку. Товарищи офицеры по очереди прикладываются, морщатся,

фыркают, занюхивают рукавом, утирают губы. Горяч, наверное, утренний кофе. Все они уже одеты в десантные комбинезоны, сразу и званий не различишь – в таких и генерала с рядовым неровен час попутать. Добрый дядька Ридкобород вдруг довольно громко заявляет, что он уже пару лет как в фуражке не прыгал. Надо бы ему сегодня в фуражке прыгнуть – пусть сыны учатся десантному делу, пока он жив. Ридкобород орёт «подъём», а потом объявляет, что настоящий десантник должен прыгать так, чтоб даже фуражка с головы не слетела. Начался День первого прыжка.

Завтрак – подостывший ужин из термосов, в такую рань в столовке ещё ничего не готово. Хорошо хоть зарядка отменяется. Парашюты еще со вчерашнего дня в двадцатый раз сложены-переуложены. Бегом на склад, хватаем их и по машинам. Едем на аэродром. Дороги ровные, кругом экзотика – Бирштонас, Трокай, Ганджюнай. Народец по советским меркам живет зажиточно. Мелькают западные хуторки, похожие на замки старые здания, а порой и сами замки, да и новые сельские домики выглядят весьма солидно, они частенько увешаны гирляндами плетистых роз и другими ботаническими красотами, словно в каких-то субтропиках. Правда температура отнюдь не южная. В открытом кузове всё мгновенно покрывается знаменитой литовской росой, крупной и очень холодной, ехать становится зябко. Вообще здесь какая-то страшная насыщенность влагой, не зря местные офицеры шутят: «Если Москва – сердце нашей Родины, то Литва её мочевого пузыря». Сейчас, наверное, такое странно звучит, а тогда ничего, ухо не резало. Я не о мочевом пузыре, а о том, что Литву кусочком Родины считали. Может старые литовцы и не считали, а вот мы, да и многие молодые литовцы, искренне верили в незыблемость такого положения вещей. И не могли понять, когда бабульки-аборигенки шипели нам в спину «оккупантас»...

Наконец, мы на летном поле. Кочек-то сколько! И трава по колени. Литовская роса моментально пропитала нас насквозь, такое чувство, что мы десантники-подводники, только что из морской пучины вылезли. И как с такого болота самолеты взлетают? Чёрт, не промочить бы парашют, вдруг не раскроется? Офицерам на росу плевать – они дают команду «парашюты в козлы», а сами вновь прикладываются к фляжке с «кофе». «В козлы» – значит, рядками по десантируемому весу. Самый тяжёлый вылетает первым, за ним кто полегче, чтоб друг другу на голову в воздухе не садились. Фляжка у офицеров опустела. Они мечтательно поглядывают на часы. На развилке дороги, что ведёт к нашей площадке будущего приземления, есть небольшое кафе «Алюс-Гиримае». Что значит «пиво да напитки». Но так его никто не называет. Все, включая литовцев, его почтительно называют «Крылышки». Прыжковые десять рублей

в Каунасской дивизии офицерам выдавали прямо на площадке приземления. Собрал парашют, схватил десятку, чиркнул роспись в табеле и бегом в кафе. Водка на вынос только с одиннадцати, а на розлив с восьми. Офицеров сейчас больше часы работы кафе интересуют, чем предстоящий прыжок. А нас...

«Надеть парашюты!» Бог проходит по рядам, придирчиво проверяет, как подогнана подвесная система, целы ли контровки. Даже полковник Ридкобород и майор Мама смиренно стоят в строю, где-то в середине, в соответствии с весом. Сейчас капитан Бог главный. Чтобы вылететь первым, а потом наблюдать с земли приземление остальных, Бог прихватил с собой ранцевый рюкзак диверсанта, только вместо портативного ядерного фугаса в нем сейчас лежит обычная тридцатидвухкилограммовая гиря. После проверки полковник Ридкобород снимает шлем и надевает свою фуражку. Вот жулик – золотые верёвочки с козырька засунул себе в рот как удила. А мы то думали..! Хотя если ветром не сорвёт, то всё равно мастерство впечатляет.

«По самолётам!» Вваливаемся в знаменитый «Ан-2», тесный и грязный. Изнутри «кукурузник» похож на перевернутую лодку или мотоциклетную люльку, если в них прорезать окошки-иллюминаторы. Наше отделение из самых рослых-толстых, нам прыгать первыми, к нам же залазит Бог. Весело болтает с прапором-механиком, что будет работать у нас выпускающим – хлопать очередного прыгуна по плечу с воплем «Следующий! Пошёл!!!» Или давать пинка, если следующий отказывается пойти, куда его послали. От весёлой болтовни бывалых дядек наше настроение не улучшается. Руки слегонца дрожат и самопроизвольно ощупывают кольцо главного купола, кольцо запаски, аварийный нож-стропорез и новый автоматный патрон в кармане на счастье... Будто бы в этой пуле моя смерть, как в иголке у Кощея Бессмертного, и поэтому нераскрывшийся парашют не имеет никакого отношения к моему организму. Самолёт громко чихает, из его «горшков»-цилиндров фонтаном вылетают мелкие капельки авиационного бензина. Этот «дождик» густо окропляет крылья и стекла иллюминаторов, даже внутри самолёта начинает нестерпимо вонять топливом. Это уже авария или так надо?! И тут двигатель оглашает окрестности бодрым рёвом. Летун чего-то кричит по рации, потом даёт ориентировку выпускающему – до начала десантирования двадцать минут. Особо полетать не получится.

Самолёт трогается с места. О чёртовы кочки! Каждый бугорок своей задницей чувствуешь. Никакого тебе эффекта нежного взлёта, какой бывает на взлётной полосе в гражданском авиалайнере. Там слегка, нежно вдавит в кресло, и земля

начинает бешено удаляться, как в кино. А тут самолётик скрипит и прыгает по полю, словно неуклюжая, укушенная слепнём корова. Скорость почти не растёт, растёт только рёв двигателя и нестерпимый вой пропеллера. Вдруг тряска прекращается, и вы довольно долго не можете понять – это самолет выехал на кусок асфальта или же и впрямь оторвался от земли. Вместо двери водительскую кабину (если носовую часть можно назвать кабиной) отделяет ситцевая шторочка нараспашку. Через лобовое стекло видно, как на вас стеной несётся опушка леса. В такой ситуации действительно лучше бы взлететь. Словно прочитав ваши мысли, пилот тянет штурвал на себя, словно собираясь изнасиловать приборную панель. Самолётик идёт вверх, едва проскользнув над верхушками деревьев. Теперь сомнений нет – мы в воздухе. Высота растёт медленно, вскоре скорости совсем не чувствуется, хотя здорово чувствуются воздушные ямы и каждый самолётный манёвр. Чувствуются тем местом, на котором сидишь. Где-то внизу застыл городок Бирштонас, какие-то литовские хутора, леса, поля, извилистая река Нямунас-Неман и прочая лепота. Красота! Забыв на короткие мгновения, что скоро наружу, народ выворачивает шеи и тарачится в иллюминаторы.

Мерзкий короткий гудок. Звучит противно, как пенопластом по стеклу. Мы цепляем карабины к выпускному тросу. Над дверью загорается «светофор». Был красный, а вот уже и желтый. Мамочки, это ж зелёный следующий! Выпускающий пристегивается специальным поясом и открывает дверь. «Высота стандартная – 800 метров». Ни хрена себе стандартная – до земли то как далеко! Да тут и без парашюта пока долетишь – проголодаешься. Морда у прапора становится как у убийцы со стажем, почему-то кажется, что прыгнуть самим он нам не даст, всех повыкидывает как котят. Самолётик ложится на крыло, закладывая вираж перед выходом на линию десантирования. Прапор тычет пальцем в Бога, показывает ему один, значит он первый, потом в Серёгу-Орела, он второй, потом в Шлёму, типа, третьим будешь. А мне, как блатной на разборках, всю пятерню к морде – да без тебя знаю, уж неделю как пятый, правда, прыгал только с макета в песочницу... Опять гудок. Теперь уже длинный и оттого ещё более отвратительный. Моя очередь. Зверь-прапор вроде пинка не даёт. Ласково так, по плечу ладошкой: «Пятый, пошёл!». Сгруппировавшись, с левой ноги, лёгким толчком...

Бля-а-а! Тыща-раз-два-три-кольцо! Провал. Если эти несчастные секунды вытяжной парашют хоть как-то тянул за шкурку, а стабилизатор худо-бедно обеспечивал положение ногами вниз, то сейчас все смешалось. Похоже, что кольцо ещё и кишки одновременно выпускает. Бум!!! А говорили, как на вышке. Ни хрена себе раскрывшийся куполок тормознул! А вдруг это не купол, а зацеп

за самолёт? Как учили, посмотрим вверх. Не, вроде правда купол. Теперь осмотримся по сторонам. Подожди, рано по сторонам, а вдруг это облако было, а не купол?! Нет, точно купол. Вроде даже ровный. Теперь по сторонам. А вдруг только показалось, что ровный? Надо бы еще раз посмотреть, может уже стропы резать пора, жизнь свою спасая... Теперь уж точно – нормальный ровный купол. Три раза одно и то же показаться не может. На всякий случай осмотрим запаску. Вот она, висит на брюхе целая и невредимая. Руки подальше от её кольца, еще не хватало парашюты спутать. Смотрю вниз. Вон Шлёма летит, там Орел от восторга матюкается, а еще ниже Бог. Где-то чуть выше Миля русские народные песни во всю глотку поёт. Вот оно, счастье-то, какое, оказывается – это когда купол на месте.

Тяну за лямки свой парашютик-старичок. Говорили, таким образом модель «ДП-4» необходимо развернуть лицом по ветру. По-моему, тот, кто эту чушь написал, сам ни разу с этим «ДП-4» не прыгал. Как понять, куда этот ветер дует? Кто последним прыгает, тому хорошо – по лежащим на земле куполам можно направление ветра определить. Сейчас я его определить как-то совсем затрудняюсь. Будем считать, что ветер дует туда. Куда? Да хотя бы вон на те машины. Теперь скрестим руки и подтянем задние лямки, левую посильней, чем правую. Ой! Вроде скорость возросла и болтать начало. Не нужны мне такие качели. В народе подобное состояние называется мешком с дерьмом. Теперь я точно лечу на кучу военной техники. Ситуация мне перестает нравиться – прямо по курсу БМД, боевая машина десанта, выставила мне навстречу свою пушку. Если не расстреляет, то на кол точно посадит. С машины кто-то орет: «Чмо, ноги вместе! Обезьяна, сведи ноги! Чайник, сдвинь копыта!» Наверное, не мне, хотя похоже, что мне... Сам дурак! Видишь, я сюда падаю. Отъехал бы, что ли... Земля начинает нестись навстречу словно на экране управления крылатой ракетой, когда та выходит на цель – картинка больше, больше, больше... Шлёп! В БМД я, слава богу, промазал. Мягкое приземление, как учили. Ну, не совсем. Завалился набок, головой о землю. Зубами щелкнул так, что аж кровь на дёснах появилась. Хватаем лямки, гасим купол. Да почти и не тащило – вспаханная полоса на какой-то несчастный десяток метров. Хорошо, что купол на куст налетел. Теперь можно встать. Сдираю шлем. В груди восторг, в ногах дрожь. В голове одна мысль, достойная Будды, – Я ЕСМЬ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lomachinskiy_andrey/akademiya-rodnaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)